

МАРИНА ИВАНОВА

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Марина Иванова
Точка невозврата.

«Автор»

2023

Иванова М.

Точка невозврата. / М. Иванова — «Автор», 2023

Круг из свечей. Тело девочки-подростка внутри круга. Что это? Самоубийство? Следователь полагает, что так и есть. Но судмедэксперт считает иначе. Он уверен – в лесу произошло убийство, судя по антуражу - ритуальное, и, скорее всего, стоит ждать новых жертв... И как остаться в стороне, когда по городу разгуливает опасный преступник, серийный убийца, выслеживающий очередную жертву. Кто станет этой жертвой? Что общего между ними? По какому принципу маньяк выбирает их? И где гарантия того, что под ударом не окажется кто-то близкий? История четвёртая.

© Иванова М., 2023

© Автор, 2023

Марина Иванова

Точка невозврата

1

– Помогите! Помогите кто-нибудь!

Вопль о помощи был отчаянным и обречённым. Он застал Лизу в душевой кабине, и она, почти оглушённая, резко выключила воду. Прислушалась, распахнув дверцы. Вроде тихо всё. Ни звука не доносится извне. Показалось? Лиза пожала плечами, провела рукой по запотевшему зеркалу, заглянула себе в глаза. Страх царапнул хищным коготком, но бездушное стекло оставалось гладким и безучастным. Показалось.

Лиза снова включила воду, встала под горячие струи, смывающие с кожи мыльную пену.

– Помогите!

От крика, срывающегося на визг, заложило уши, казалось, кричит кто-то совсем рядом, и столько ужаса было в этом крике, что Лиза, ругнувшись сквозь зубы, заспешила, водные процедуры закончила, выбралась из кабинки, наскоро вытерлась пушистым полотенцем, торопливо натянула на себя домашний спортивный костюм.

Снова прислушалась. За дверью тишина. Лиза взялась за ручку двери, намереваясь выйти, и рухнул привычный мир, его место заняла глухая подвальная темнота. Под рукой кирпичная стена, влажная на ощупь, под ногами бетонный пол, а запах... От подвальной вони можно было свихнуться. Здесь пахло сыростью, плесенью, протухшими овощами и кошками. Запах старый, застоявшийся, такой, будто в отсутствии свежего воздуха копился здесь годами, десятилетиями. Что это? Оторвав руку от двери, Лиза глубоко задышала, затрясла головой, отгоняя наваждение, и снова нарушил спасительную тишину истошный призыв о помощи.

– Спасите меня! Кто-нибудь! – и уже обречённое и тихое, – Ну пожалуйста...

Рывком распахнув дверь, Лиза вылетела из ванной. Тихо в доме. Девушка почти не сомневалась, что её видение никак не связано с домочадцами, но, тем не менее, решила проверить. Зашла в свою комнату, окинула её быстрым взглядом.

– Что-то случилось, Лизунь? – внимательно посмотрел на жену Кирилл. – Ты что-то быстро...

– Да не... в порядке всё, я... полотенце забыла, – выкрутилась Лиза. Она прошла к шкафу, достала с полки полотенце и вышла, снова мазнув внимательным взглядом по мужу и сынишке. У них хорошо всё, Кирилл, положив голенького, в одном подгузнике, сынишку на кровать, показывает ему игрушки, тот внимательно наблюдает, пытаясь ловить сразу руками и ногами. Пока получается не очень, но малыш старается.

Нет. Не в них дело. Голос, звавший на помощь, определённо принадлежит девочке. Лиза поднялась в мансарду. Полина с Марком даже не заметили её. В последнее время эту парочку водой не разлить, постоянно вместе. Нашли себе увлечение, теперь смотрят все детективные фильмы и сериалы подряд, пытаясь распутать сюжет самостоятельно. Посмотрят завязку сюжета, принимаются дискутировать и анализировать, вычисляя преступника, а потом, как правило, не сведя решение задачи к общему знаменателю, досматривают концовку. Вот и сейчас дебаты шли нешуточные, Лиза не стала мешать юным сыщикам, тихонько прикрыв за собой дверь, спустилась на кухню.

Неужто снова видение?! Но о помощи молил вполне живой человек. Напуганный, это да, но живой ребёнок! Такого с Лизой никогда ещё не случилось. Обычно на контакт выходили призраки, но чтобы живой человек...

Она задумчиво налила из фильтра стакан воды, медленно выпила. Наверное, просто устала, вот и мерещится всякое. Ведь только-только вздохнули спокойно, да быть того не может, чтобы вот так, сразу...

И тут отчаяние захлестнуло, бросило Лизу на колени, стиснуло горло удавкой. Не её отчаяние, чужое. Отчаяние и ужас, панический ужас обречённого на смерть существа. Спасти, спасти... двигаться... Лиза в панике металась по кухне, не понимая, как поступить. Снова крик. Не отдавая себе отчёта, Лиза бросилась в прихожую, сунула ноги в кроссовки и, не раздумывая, выскочила из дома.

2

Днём ранее.

Школьный двор благоухал яркой зеленью и цветущей черёмухой. Он буквально утопал в белых зарослях, ибо других деревьев на школьном дворе не было. Только черёмуха. И по периметру, и вдоль дорожки с обеих сторон, и вокруг школьного стадиона, и второе кольцо вокруг самого здания старой школы из красного кирпича. Школа казалась чужеродным элементом в этом черёмуховом раю. Ну и скажите, как можно учиться, когда в открытые окна летит одуряющий запах, а под окнами белая сказка?

Давно закончились уроки, в школе царил тишина, только в спортивном зале раздавались детские голоса – здесь проходили занятия по каратэ. Сегодня тренер распустил подопечных раньше, чем обычно. Немного, минут на десять всего, дети разбежались радостными стайками, чирикали на выходе дежурное «до свиданья» и уносились по гулкому коридору такими слонятами. Вот ведь... Такие маленькие, лёгкие и подвижные, а столько шума от них! Даже топаят они не так, как взрослые, грохочут сандалетами и кроссовками часто и дробно, будто барабанички палочками, весело так грохочут. Их хоть в мягкие валенки обуи, всё равно топотать будут, удивительно...

Тренер уходил из школы последним. Шёл по коридору и улыбался. Весна... Май заглядывает в окошки, манит ароматом цветения и свежей зелени... Так и тянет похулиганить. Тренер замер посреди коридора, с опаской посмотрел по сторонам, не видит ли кто, и... попытался точно так же, топя и грохоча подошвами, пробежаться до вестибюля. Не вышло. Нет, пробежаться он, конечно, мог, сорок лет – это совсем ещё не старость, а с его-то спортивной формой и подавно, задорного топота не получилось, он, как ходил по многолетней привычке почти бесшумно, так и пробежался, сам себя не услышав. Постоял, пожал плечами разочарованно, пересёк вестибюль, кивком попрощавшись с охранником, вышел и похулиганил-таки, не придержав тяжёлую дверь.

На крыльце, прыгая со ступеньки на ступеньку с тряпичной куклой наперевес, скучала девочка. Тонкие косички, чёлка, спадающая на глаза, россыпь веснушек на курносом носу, тонкая гибкая фигурка, затянутая в белую футболку и джинсовый комбинезон. Белые носочки, кроссовки... Не девочка – стрекозка, стремительная и подвижная.

– Элька! – улыбнулся тренер в ответ на открытую детскую улыбку. – Ты чего домой не идёшь?

– Ксанку жду! – лихо отчиталась девочка. – Она меня забрать должна. Я звонила ей, предупреждала, что нас отпустили раньше, сказала, что выходит.

– Может, проводить тебя? – предложил тренер. Очень не хотелось терять драгоценное время, но предложил.

– Да нет. Сестра на велике приедет, мы сами... – запихивая куклу в рюкзачок, отказалась Эля.

– Ну смотри, – не стал уговаривать он. Ну действительно, на улице ещё светло, да и район у них тихий, безопасный.

– Ага! До свидания, Руслан Иванович!

– Пока, Элька. Десятого числа первым уроком физкультура. Зачёт. Не опаздывай.

Девочка дурашливо вскинула руку в пионерском салюте. Давно уже перестала существовать пионерская организация, нынешние дети и не знали, что это такое, а поди ж ты, выдала, проказница! Тренер усмехнулся снисходительно, махнул девочке рукой и пошёл прочь со школьного двора. Три дня выходных. Три дня с семьёй в деревне. Шашлыки, рыбалка... Его мысли ушли в сторону предстоящих выходных, стоило выйти за территорию школы.

А старшая сестра Эльки, застряв в лифте, ждала техника и ежеминутно смотрела на дисплей сотового. Вдруг случится чудо, и заработает, пробившись сквозь стены лифтовой кабины, мобильная связь. Чудес не бывает. Ксанка в который раз давила на кнопку вызова диспетчера, и в который раз равнодушный голос отвечал короткое «ждите».

– Вот ведь чудело! – сердилась девочка. – Говорила же ей, пропусти тренировку, пропусти, так нет же, поскакала! А мне теперь сиди тут, жди лифтёра! Экзамены на носу, готовиться надо, а из-за Эльки... Как, наверное, хорошо, когда ты единственная дочь у родителей, – задумалась она. – Ну или младшая... Хотя нет. Младшей быть тоже не очень-то радостно, новых вещей у родителей не допросишься, приходится за старшей сестрой донашивать. Лучшие всё же быть единственным ребёнком в семье.

Когда дверь лифта наконец-то открыли, прыгая через две ступеньки, Ксанка понеслась к своей квартире, бросив велосипед прямо там, на третьем этаже, ворвалась, хлопнув дверью.

– Мам, а Элька?

– Да где вас черти носят, непутёвые? – вышла навстречу мать, усталая женщина, в последнее время злоупотребляющая спиртным. Ксанка поморщилась. Опять! Сколько она в лифте просидела? Не больше часа, а мать уже напиться успела. Теперь ворчать будет до самого вечера. – Элька где? Пусть за хлебом сбегает.

– Элька? Она что... не приходила с тренировки? – запнулась Ксанка, неуверенно заглянула на кухню, бросила растерянный взгляд на галошницу, надеясь увидеть кроссовки сестры.

– Вот и я говорю, – вздохнула мать, – Беда с вами, девочками. Носитесь где-то, носитесь... а потом в подале приносить начнёте...

– Мам, о чём ты?! – взвилась Ксанка. – Эльке всего одиннадцать! Всё. Я к школе. Она, наверное, до сих пор ждёт.

– Хлеба купите, непутёвые. Деньги на холодильнике.

Но Ксанка не слышала. Забыв о лифте, ну его, вдруг снова везти откажется, она неслась вниз по ступенькам. Темнеет уже... Неужели малая не догадалась сама до дома дойти?! Или разминуться побоялась? Ой, нет. Тут до школы одна дорога, прямая, через сквер, не разминуться никак. Ксанка успокаивала себя, но страх уже поселился внутри, не вытравить.

Вот ударил в нос запах черёмухи, мигнул фонарь над головой, страшным и неприветливым показался Ксанке родной школьный двор, в ворота она вошла с опаской, сжимая в кармане ветровки перцовый баллончик.

– Элька! – крикнула она и присела, испугавшись собственного голоса, сжалась в комочек у ворот, сцепилась в них побелевшими пальцами.

Тихо было на школьном дворе, и лишь шуришали листвой деревья.

Ксанка смелая, ей всё ни по чёму. С крутой горы зимой первее всех съехать? Да пожалуйста! Реку переплыть? Не вопрос, и тут она в первых рядах. В чужой сад забраться за ранними яблоками? Ей не страшно. Лидер по натуре, девочка, казалось, не боится ничего, и только младшая сестрёнка знает, чего стоит ей казаться отчаянной и бесстрашной. Младшая сестрёнка...

Ксанка всхлипнула, мотнула головой и, преодолев страх, бегом помчалась к школьному крыльцу. Она уже знала, чувствовала, что с Элькой беда случилась, не найдёт она её тут, потому что та давно уже ушла куда-то.

Ксанка не дошла до школьного крыльца, остановилась в нерешительности, заметив под деревом приметный рюкзак сестры.

– Элька! – тихонько позвала она. Голос прозвучал жалобно и неуверенно. – Ну хватит прятаться, Эль! Выходи! Я не нарочно опоздала, правда. Представляешь, застряла в лифте. Эль! Ну Элька...

Уронив в траву бесполезный перцовый баллончик, Ксанка достала сотовый и торопливо нажала кнопку вызова. Телефон сестры работал, гудки пошли, да только не выскочила из-за куста хохочущая Элька, унылый сигнал раздавался из недр рюкзака.

Мигом преодолев семь ступенек школьного крыльца, Ксанка заколотила в дверь кулаками.

– Дядя Петь! Дядя Петь! – всхлипывала она.

Охранник Пётр Самуилович распахнул дверь, подхватил девочку, повёл в вестибюль. Распросы решил оставить на потом, сперва в чувство надо привести девочку, валерьянки накапать. Но девица вывернулась, зарычала, замотала головой так, что длинные кудри хлестнули охранника по лицу.

– Моя сестра! – голосила девочка. – Элька!

– Сошникова! – потеряв терпение, встряхнул её охранник. – Да объясни ты по-человечески, что случилось?!

– Там... там... под черёмухой рюкзак Элькин. А она домой не пришла после тренировки.

– Ну погоди, Ксанка, не реви. Может, разминулись вы? Я видел, Эльвиру. Она вышла из школы на крыльцо, ждала там кого-то. Я в монитор смотрел... Так не было с ней рядом никого. Одна была, всё по ступенькам скакала. Потом Руслан... Руслан Иванович вышел, поговорил с ней о чём-то, домой пошёл.

– А потом? – шмыгнула носом Ксанка. – Потом? Элька сама ушла?

– Так ведь... отвлёкся я, – повинулся Пётр Самуилович. – Не могу точно сказать...

– И что же теперь, а? – девочка снова готова была зареветь.

– Погоди, погоди слёзы-то лить. Ты, Ксан, домой позвони, может, вернулась уже пропажа? Эля девочка разумная, дуришь не должна...

Дома Эльки не оказалось, к телефону никто не подошёл. Понятно, мать спит, а Элька... Где же она?! Что с ней?

– А в полицию, дядя Петь?! Может, в полицию позвонить?

Позвонили.

– Сколько суток назад пропала девочка? – лениво спросил дежурный.

– Три часа как пропала, – растерялся охранник. – Рюкзачок возле школьного крыльца оставила и как в воду канула.

– Если к утру не объявится, звоните.

– Но как? Подождите! Речь идёт о ребёнке одиннадцати лет. Это не взрослая девица, которая загулять могла.

– И что? Зашла к одноклассникам, села за компьютер и растворилась в виртуале, что странного? На просторах интернета дети вязанками теряются, и если мы каждого такого «потеряшку» искать будем...

– То есть не поедете? – невежливо перебил Пётр Самуилович.

– Сказал же! До утра.

В эту ночь Ксанка не пошла домой, до самого утра они с Петром Самуиловичем обзванивали морги и больницы, а также всех многочисленных друзей и приятелей Эльки по списку в её телефоне.

3

– И где же наша мама загуляла? Ты не знаешь, Максимка? – спросил у сынишки Кирилл, бросив взгляд на часы. Малыша давно пора кормить да укладывать, а Лиза как ушла мыться, так и пропала.

– Гы! – серьёзно ответил малыш.

– Вот и я думаю... – проворчал Кирилл. Он подхватил сынишку на руки и вышел из комнаты.

В ванной темно, дверь открыта настежь, дома тишина, лишь с мансарды доносится приглушённый смех.

– Лиз! Лиза! – позвал Кирилл, – Ты сына кормить собираешься? – Прислушался. Тишина. Кирилл прошёлся по дому, Лизы не обнаружил, растерянно остановился посреди гостиной. Закряхтел на руках Максимка, хлопнула дверь наверху, скатилась по лестнице Полина.

– Пап, а как ты думаешь, что считается идеальным преступлением? Это когда преступник улик не оставляет? Или, когда рассчитано всё до мелочей?

– Когда всё рассчитано до мелочей, улик не остаётся, – машинально ответил Кирилл. – Поль, ты маму не видела? Её нет дома. Она ничего тебе не говорила?

– Нет... – забеспокоилась девочка. – Да и куда она пойти могла, на ночь глядя?

– Поль, ты Макса покорми и спать уложи, а я выйду, поищу её.

– Конечно, пап. Мы с Марком всё сделаем. И накормим, и спать уложим, не волнуйся. Ты не звонил маме?

– Телефон в комнате на зарядке стоит. Держи брата, Полин, а я пойду, пройду по посёлку...

– Пап... – в глазах девочки мелькнуло что-то похожее на страх, – Надеюсь, ты не думаешь о том же, о чём и я?

Кирилл не стал врать.

– Думаю, Полин. Но очень надеюсь, что мы с тобой ошибаемся.

Посёлок утонул в густых сумерках, разбавленных рассеянным светом уличных фонарей, освещённых окон и белыми пятнами цветущих плодовых деревьев. Где же ты, Лизка? Куда тебя понесло, на ночь глядя? Первым делом Кирилл пошёл к соседнему дому, но отказался от своей идеи. Свет погашен, значит, Рита с Антоном спят, выходит, не заходила к ним Лиза.

Он бродил по посёлку, напряжённо вглядываясь в темноту, и понимал, что спрятаться на прямых, будто по линейке расчерченных улицах просто негде, да и незачем. И не ушла бы Лиза просто так, никого не предупредив, значит, случилось что-то необъяснимое. Что ж, этого следовало ожидать, вот только... почему так скоро? Семейство от прошлой истории оправиться ещё не успело, месяца не прошло с тех пор, и ввязываться в очередную передрыгу не хотелось.

Охранник у ворот не спал, увидел Кирилла, вышел из домика, похожего больше на сторожевую башню, чем на сторожку.

– Здравствуй, Олег, – поздоровался Кирилл. – Ты Лизку мою не видел?

– Как же? Видел... Часа полтора-два назад за ворота вышла. Кирилл, – охранник потупился виновато, – Она странная какая-то была. Я поздоровался – не ответила, да и не заметила меня будто, пролетела мимо, только калиткой хлопнула. Надо было сразу к тебе, да я не отважился. Мало ли, дела семейные... – сконфуженно оправдывался он.

– Куда она пошла? – нетерпеливо перебил Кирилл.

– К лесу, кажется. Да. К лесу... – охранник ещё что-то кричал вслед, но Кир уже не слышал его, бегом мчался к шоссе, за которым чернел сосновый бор.

Когда-то, как давно это было, в этом самом лесу они искали заблудившуюся Полинку. Сейчас с улыбкой вспоминается, а тогда... Пятилетняя девочка, потерявшаяся в незнакомом

страшном лесу, он, её отец, растерянный и дезориентированный, и она, совсем посторонняя тогда, рыжеволосая соседка. Уж ни это ли приключение толкнуло их с Лизой друг к другу? Или судьба свела, как утверждает мама? Теперь неважно. Им столько всего довелось пережить вместе, что теперь без Лизаветы никак.

Уже сойдя с шоссе, Кирилл сообразил, что желательнее было бы прихватить с собой фонарик. Если в посёлке территория освещалась уличными фонарями, то здесь в лесу освещения как-то не предусмотрено, в двух метрах ничего не видать, где уж кого-то найти! Но не возвращаться же! Кирилл звал Лизу, кричал, прислушивался, но в ответ только деревья шумели высокими кронами, скрипели стволами. Он не стал углубляться в лес, в потёмках это бессмысленно, бродил по опушке, изредка выкрикивая родное имя.

Что-то светлое мелькнуло между деревьев, Кирилл метнулся навстречу, сердце ухнуло, пропустив удар. Она!

Он споткнулся в потёмках о корень, не удержался на ногах, упал плашмя на мягкую землю, вскочил, догнал...

Лиза безучастно смотрела перед собой, шла, прижимая к себе какое-то грязное тряпье, она и не заметила, как рядом возник муж, схватил в охапку, прижал к себе. Отстранилась, упёрлась ледяными ладошками ему в грудь, снова пошла, глядя широко распахнутыми глазами куда-то вне пределов этого мира.

Это ничего. Кирилл-то видел, что ноги привычно несут её к посёлку. Дома он сумеет привести Лизу в чувство, а пока... остаётся только идти за ней. Кир снял с себя куртку спортивного костюма, набросил Лизе на плечи, та поёжилась, ссутулилась, но заметила вряд ли. Так и шли. Перешли через дорогу, подошли к воротам. Увидев Олега, ринувшегося было навстречу, Кирилл предостерегающе приложил палец к губам, не пугай, мол, тот кивнул понятиливо, поспешно отступил в тень.

Дом встретил их тишиной. Умница Поинка свесилась с лестницы, глянула внимательно, кивнула отцу, мол, всё в порядке, и ушла на цыпочках к себе в мансарду. Понятно, Макс сегодня ночует в комнате у старшей сестры.

Кирилл аккуратно забрал у Лизы тряпье, что она бережно прижимала к себе, покрутил в руках, разглядывая. То, что он принял в потёмках за ветошь, оказалось куклой. Странной тряпичной куклой, довольно замызганной и грязнучей. Кир брезгливо отшвырнул её в сторону, обнял Лизу, повёл в душ.

Она шла покорно и безвольно, не понимая, где находится, а Кирилл никак не мог понять, что делать с ней, такую. Под душ поставить? Она же грязная с головы до ног. Да и в чувство привести надо бы... А не напугается ли, если вот так сразу душем её полить? А как иначе? Он легонько похлопал Лизу по щеке. Никакой реакции. Он ударил сильнее. Безвольно мотнулась в сторону голова, но взгляд не прояснился. Не появилось в нём ни понимания, ни узнавания. Что же делать?

Включив воду в душе, Кирилл стянул с Лизы футболку и тонкие брюки, поставил её в душевую кабину, сам встал рядом, крепко обнял. С потолка кабины лилась вода, а Лиза будто не чувствовала этого – руки висят плетью, взгляд рассеянный в одну точку. Кирилл, сам не понимая зачем, поднял руку, провёл ладонью по запотевшей зеркальной стене кабины. Лиза наткнулась взглядом на собственное отражение, дёрнулась и завывла тихонько, забилась в руках Кирилла.

Он держал крепко, не вырваться, и Лиза затихла, развернулась к мужу лицом, прижалась, уткнувшись носом в ключицу.

– Кириуш, я не успела... понимаешь? Не успела!

– Чего не успела, родная?

Лиза отстранилась, заглянула ему в глаза, нахмурилась, задумавшись.

– Не помню, – покачала головой она. – Что вообще происходит? Ты почему здесь со мной? А Макс? С кем он?

– Всё хорошо, – шептал Кирилл, легко касаясь губами её мокрых волос. – Всё уже хорошо, Лизонька.

– Да что с тобой? Что вообще происходит?

– Ты совсем-совсем ничего не помнишь? – не поверил Кир.

– Совсем! – Лиза решительно открыла дверь кабинки. – Кирилл... а почему... одежда грязная? Ты мне объяснишь, наконец?

– Объясню. Но позже. – Он завернул её в полотенце, из второго соорудил себе набедренную повязку, поднял с пола грязную одежду, не разбирая, засунул в барабан стиральной машины. – Идём. Надо одеться. Потом мы спустимся в гостиную, я сварю тебе кофе, ты успокоишься, а после поговорим.

Но разговора не получилось. Зайдя в комнату, Лиза натянула на себя длинную футболку и обессилено опустилась на кровать.

– Я устала так, будто телегу дров разгрузила. А потом наколола их и в поленницу сложила...

Кирилл сел на пол возле кровати, нежно провёл ладонью по мокрым волосам жены, взял её руку, коснулся губами ладони, перечеловал каждый пальчик, коснулся губами запястья, поднялся выше до сгиба локтя. Лиза сонно хихикнула: «Щекотно!», опустила вторую ладонь ему на затылок, игриво взъерошила волосы... а он едва не застонал от внезапного острого желания. Беспокоить Лизу не хотелось. Не сейчас. Не время. И Кирилл просто сбежал обратно в душ.

Утро застало Кирилла на кухне. Отчаявшись поспать в эту ночь, он решил приготовить на завтрак пиццу, на обед суп, а также мясо для шашлыка замариновать, чем и был занят остаток ночи и всё утро. Но готовил на автопилоте, не задумываясь, а мысли в голове бродили хмурые и тревожные. Не в силах бороться с ними, Кирилл включил телевизор. Может, хоть он отвлечётся поможет. Шли новости. Всё как обычно. Политика, события, криминал, а в конце криминальной рубрики голос диктора буквально выдернул Кирилла из собственных размышлений.

– «... Шестого мая сего года со школьного двора пропала девочка. Эльвира Сошникова, ученица пятого класса гимназии №17. Убедительная просьба ко всем, кто видел девочку и знает о её местонахождении, позвонить нам в студию по телефону, который вы видите внизу экрана, или по номеру 02. Эльвира была одета...»

– Да ладно! – воскликнул Кирилл. – Это ж Полинкина гимназия!

Но ещё больший шок он испытал, когда на весь экран показали фотографию девочки. Нет, он не знал её, не мог знать, но кукла, что держала в руках девочка с фотографии, определённо была знакома ему.

– Не может быть! – растерянно пробормотал Кир.

– Не может быть! – эхом откликнулась Полина. И когда подойти успела? Кирилл даже не услышал...

Сбив со стола солонку, он резко повернулся к дочери, а она... Она держала на вытянутых руках ту самую куклу и переводила недоумённый взгляд с неё на фотографию девочки в экране телевизора.

– Пап, скажи, что мне кажется, – капризно потребовала она.

– Могу! – угрюмо отозвался Кирилл, собирая мокрой тряпкой рассыпавшуюся по полу соль. – А ты поверишь?

– Нет. Откуда эта кукла у нас дома? Я видела её раньше. Эта кукла Элькина. Точно. Вот видишь, на ноге шов неровный? Это Элька сама зашивала... получается, что Элька пропала? А кукла? Как она оказалась в нашем доме?

– Полин, у меня нет ответов на твои вопросы.

– Её мама нашла?

– Да. Она шла по лесу с куклой в руках. Была не в себе. Твердила, что чего-то там не успела. Больше мне сказать тебе нечего.

– А мама? Что говорит она?

– Не помнит она ничего. Пошла в душ, очнулась... там же. А что между было – не помнит.

– Дела... – задумчиво протянула Поля. – Что же с Элькой стало? Как ты думаешь, она жива? А если да, то где её искать? А если нет... ой, даже думать не хочется! Но ведь кукла у нас, а она с ней никогда не расстанется, выходит?...

– Отставить бла-бла-бла! – рассердился Кирилл. – Дочь! Помолчи чуток, а? Я сам ничего не понимаю. Что там Макс?

– Ой! – вспомнила Полина. – Он проснулся, есть просит. Я ему за едой на кухню пришла, а тут такое. Пап, ну скажи, если бы она жива была, наверняка бы уж дома объявилась. Ну скажи, а? А вдруг жива? Вдруг её похитили и будут выкуп требовать? А у них семья небогатая, денег лишних нет, мама одна двух дочек растит...

– Полина! Ша! Хватит тараторить. Ты за бутылочкой пришла? Разводи смесь и иди брата кормить. Ну или принеси его, я сам покормлю.

– А вот нет! Ты завтрак готовь, с Максом мы сами как-нибудь, – обидчиво дёрнула плечом Полина. Помолчала чуть-чуть, не выдержала. – Пап, сегодня уже восьмое число, а пропала Элька шестого вечером. Если бы похитили, наверняка бы уж позвонили, да?...

– Брысь! – коротко огрызнулся Кирилл. – У тебя брат голодный.

Полина, энергично встряхивая бутылку со смесью, умчалась наверх, Кирилл распахнул окно. Короткие мгновения тишины. Они дорогого стоят, в их шумном доме тишины априори не бывает. Трое детей. Один из них – голосистый младенец трёх с половиной месяцев от роду, второй, и он же самый тихий, подросток неполных шестнадцати лет, но фору всем даёт девятилетняя фурия, гремучая смесь урагана с цунами, она же милая девочка Полина, существо гиперактивное и гипершумное, но при этом абсолютно безвредное. А девять ей, к слову сказать, только через месяц стукнет...

Вскоре собралось за завтраком всё семейство. Лиза ела без аппетита, всё думала о чём-то. Полинка хотела пристать к ней с расспросами, но Кирилл показал дочери кулак. Она насупилась и отвернулась, но с вопросами к матери лезть всё же не стала. Доела молча, помыла тарелку за собой, подхватила коляску с Максимкой.

– Мам, пап, мы гулять! – объявила она. – До Троицких дойдём, а потом на пляж. Марк, ты с нами или готовиться будешь?

– С вами. Только учебник захвачу.

– Полин, будь бдительна, – хмуро напутствовал её отец. – Марк, ты за старшего, за девчонками следи. Держитесь все вместе.

– Почему? – насторожилась Лиза. – Чего я не знаю?

– Ребята уйдут, мы поговорим с тобой.

Кирилл вывел жену во внутренний крохотный дворик, где помещались только садовые качели, скамейка, мангал да пара вишнёвых деревьев, усадил на качели, сел рядом и протянул захваченную из дома куклу.

– Что это? – ужаснулась Лиза, с брезгливой гримасой откидывая игрушку в сторону.

– Это у тебя надо спросить.

– Да объясни же ты мне! Я ничего не понимаю! Что случилось вчера вечером?! К чему все эти гляделки за столом?! О какой бдительности ты говорил дочери?! Кирилл! Расскажи мне! – взмолилась Лиза.

– Да нечего мне рассказывать, – нехотя откликнулся Кир. – Выхожу вчера из комнаты, тебя нет нигде. Отдал Макса Польке, пошёл искать. В лесу нашёл. Не знаю, откуда ты шла, но это... – он подцепил мыском кроссовка куклу, – было у тебя в руках. Ты ничего не понимала,

ничего вокруг себя не видела. Очнулась в душе. И то, не сразу. Да, и это ещё не всё. Сегодня утром в новостном блоке объявили о пропаже девочки из Полькиной гимназии. Так вот, на фото, которое показали, девочка держит в руках вот это чудовище, именуемое в быту куклой Луизой. Имя мне Полька подсказала. Она знает пропавшую девочку, даже притворяется с ней, и куклу эту видела не раз.

– Я... я ничего не помню, – в отчаянии замотала головой Лиза.

– Куклу возьми. Посмотри, может, вспомнишь что... – Рыжая прядь, выбившись из-под заколки, упала Лизе на шею, Кирилл с трудом оторвал взгляд от неё. Да что же происходит с ним? Почти четыре года они женаты, а отношения до сих пор не потеряли яркости и глубины, но в последнее время что-то странное творится с ним. Достаточно просто посмотреть на жену и тут же первобытные инстинкты включаются. Хочется схватить её в охапку, закинуть на плечо и утащить в пещеру, а там...

Пока Кирилл, старательно отворачиваясь, грезил о собственной жене, Лиза опустила на колени, пристроив обе ладони на замызганной игрушке.

Ей что-то мешало. Она никак не могла сосредоточиться на игрушке и считать хоть какую-то информацию, всё перекрывали непонятные помехи, а источник помех сидел на качелях и, не отрываясь, смотрел на неё.

– Кир! – Лиза резко обернулась. – Ну в чём дело-то?! – Догадалась. Хихикнула. Поднявшись с колен, приблизилась, наклонилась, уронив рассыпавшиеся пряди волос ему на лицо, опустила ладони на плечи, легко коснулась губами губ, шепнула едва слышно, – Детей дома нет. – Кирилл намёк понял, подхватил её на руки, вбежал на крыльцо, закрыл на щеколду входную дверь...

Позже Лиза спустилась во дворик уже одна, Кирилл не стал мешаться, клятвенно пообещав даже в окно на неё не смотреть. Правда об обещании своём тут же забыл и тайком из-за занавески всё же наблюдал за женой. А вдруг помощь понадобится? Вдруг она снова в лес уйдёт, кто знает, что там случилось с кукольной хозяйкой, и какая реакция возникнет у Лизы на полученную информацию? Не из праздного любопытства подглядывал, исключительно из соображений Лизиной безопасности.

Лиза снова опустила перед куклой на колени, подула на кулачки, согревая их дыханием, приложила ладони к игрушке и снова оказалась в подвальной темноте. Сначала тихо было, но прислушавшись, Лиза уловила в тишине странные звуки: ритмичные удары твёрдым предметом о что-то твёрдое, металлическое позвякивание, короткий разочарованный всхлип. Пусть в темноте и не видно, но Лиза отчётливо поняла, кто является источником звука. Эля! Хозяйка куклы. Жива! Пока жива... Она растеряна, ей очень страшно и холодно, она кутается в колючее шерстяное одеяло, но жива и в целом даже здорова.

Лиза потрясла головой. От куклы явно веет мёртвой энергетикой, но не то, не то... Лиза искала, пыталась вытащить из куклы воспоминания, обойти преграду собственного беспамятства, ведь где-то нашла эту куклу, и что-то подсказывало ей, что не просто так провал в памяти случился. Что-то произошло там, в лесу. Но вот что? Почему могильным холодом по рукам бьёт?

Слабость накатила внезапно. Задрожали руки, заболела от напряжения голова, а из носа на тротуарную плитку закапала алая кровь. Лиза судорожно стискивала ладонями кукольное тельце и не в силах была разомкнуть одеревеневшие пальцы. И понимала, что надо прекратить эту попытку, но руки не слушались.

Кирилл не зря наблюдал за Лизой через окно, заметил, что побледнела, кинулся к жене, отцепил руки от куклы, ногой отшвырнул её в сторону, подхватил Лизу на руки, занёс в дом.

– Лизка, ну нельзя же так! – ворчливо распекал он её, прикладывая на пылающий лоб смоченное в холодной водой полотенце. – Видишь, что не получается, так и не надо. Значит,

время не пришло. Вспомни, раньше ведь так же было, информация поступала дозированно, понемногу.

– Кирюш, ты не понимаешь, теперь всё иначе. – Лиза лежала на диване, натянув до подбородка пушистый плед. Её бил озноб, руки дрожали, голос звучал слабо и неуверенно. – Эта девочка, Эля, она жива. Я точно знаю, что жива, но кукла... на ней присутствует мёртвая энергетика, она буквально пропитана ею. И потом... меня мучает тот факт, что кукла оказалась в нашем доме.

– Ты сама её принесла! – усмехнулся Кирилл, подавая Лизе стакан воды и таблетку обезболивающего.

– Да. Но откуда? Где я была? Что видела? Если сопоставить факты, получается, куклу я забрала у... трупа? Или нет? Но откуда тогда на кукле мёртвая энергетика?

– Может, тот, кто дарил девочке куклу, уже мёртв? – предположил Кирилл.

– Это да. Отец ей подарил куклу, потому Эля и не расстается с ней. И отца действительно уже нет, но дело вовсе не в нём. Ты не поймёшь, а потому просто поверь. Энергетика настолько сильна, что перебивает всё остальное, то есть это последний отпечаток на кукле. Скорее всего, на него я и шла, – кусая губы, рассуждала Лиза. – Только почему-то закрыта информация. Как ни стараюсь, а ничего увидеть не могу.

– Ты хочешь сказать, что в нашем лесу кто-то умер? – Кирилл насторожился. Предположение Лизы, казалось, объясняло всё. Или запутывало ещё больше.

– Убит. Точно убит. И кукла... Она с жертвой была всё время, пока...

– Но это не Эля?

– Нет. Точно нет. Кто – не знаю, даже не спрашивай. Если бы я могла вспомнить... но будто в стену упираюсь, закрыто всё.

– А что делать теперь? Надо же в полицию сообщить...

– Кирюш, тебе мало было проблем с полицией? Не будем мы куда-то сообщать. По идее, мы ничего наверняка знать не можем. Как объясним полиции мои видения? Как объясним куклу эту? Ты понимаешь, что случится, если тот же Михальчук узнает о кукле?! – горячилась Лиза. – Кого подозревать станут? Тебя? Меня? наших родственников и друзей? И потом, я не возьмусь утверждать, что в лесу действительно что-то видела, поскольку не помню этого.

– И что нам остаётся?

– Ждать.

– Но это неправильно, Лизка! В лесу, если верить твоим словам, произошло убийство, так? А любое преступление легче всего раскрывать по горячим следам.

– Они сами найдут, Кирилл. Лес недалеко от гимназии находится, скорее всего, сегодня туда отправится отряд поисковиков и... ну волонтеры, наверное. Нельзя нам вмешиваться. Никак нельзя. Сейчас конечно не пятнадцатый век, костёр и застенки инквизиции мне не грозят, но «дурка» на горизонте маячит. Видения, голоса, гуляния под луной по лесу – вот чем тебе не кандидат в маньяки? Даже доказывать ничего не надо, таким как я, диагноз «шизофрения» приговором становится. И ещё... – Лиза задумалась. Она не знала, как объяснить то, что открылось ей, когда куклу в руки взяла. – С этим убийством что-то не так, – выдержав паузу, медленно проговорила она. – Не могу объяснить, что именно, но его не раскроют по горячим следам. Будь всё так просто, не попала бы ко мне эта кукла.

– Куда её? Выбросим?

– Нельзя. И стирать нельзя. Спрячь её в кладовку от детей подальше, пусть пока там полежит.

– Как скажешь. И да, Лизунь, во всём ты права, нельзя нам лезть в это дело, – всё-таки согласился с её доводами Кирилл. – Даже нашим говорить не стоит.

– А вот это вряд ли. Поинка же с Троицкими гулять пошла? Так все уже в курсе, будь уверен. Но наши-то знают о моём даре! – Лиза сорвала со лба мокрое полотенце, звяк-

нул на запястье плетённый браслет, сверкнул, попав в луч света крупный зелёный камень на нём. – Кирилл, давай пока не будем ничего предпринимать, задумали на шашлыки с друзьями сегодня, значит, так тому и быть, а история эта... оставим её пока.

– Сможем? Зная, что кто-то уже погиб, а девочке из Полькиной школы опасность угрожает?

– Мы всё равно не можем ничего изменить, так чего же теперь, не жить что ли?

Во второй половине дня вся компания собралась на поляне у реки. Как и предполагала Лиза Глеб с Ирой уже знали обо всём. Полинка не умеет хранить секреты, с порога выдала, увидев ролик по телевизору:

– А я знаю Эльку. И кукла эта у нас дома теперь...

– Что значит, у вас дома теперь? – осторожно спросил Глеб.

– А то и значит. Мама ночью в лесу была. Принесла куклу оттуда.

– Вы куда гулять собрались? – торопливо сменила тему Ирка. – На реку? В воду не лезьте, рано ещё, прогреться не успела. – А когда шумная ватага умчалась со двора, повернулась к мужу, спросила, – Глеб, ты понимаешь что-нибудь?

– Кажется, да. Похоже, очередное приключение вот так, оригинально, начинается.

Разговор завели, когда старшие дети, наевшись шашлыков, ушли к воде и, начертив на мокром песке круг, принялись играть в ножички.

– Что там у вас? – нахмурился Глеб. – В общих чертах знаю, конечно, сорока натрещала, но вижу, не так всё просто, верно?

Кирилл рассказал в двух словах. О том, как искал Лизу по лесу, о том, как не мог привести её в чувство, о том, что поведала Лизе тряпичная кукла. И Глеб, и Рита были согласны с Лизой – в полицию идти нельзя. Ира сомневалась, Антон, и вовсе, от комментария воздержался.

– Сейчас, конечно, экстрасенсов не запирают в стенах исследовательских институтов, но лучше Лизке не отсвечивать своими способностями, – подумав, сказала Рита. – Мало кто верит в сверхъестественное. А в полиции вообще всё просто. Первым подозреваемым становится тот, кто труп обнаружил, ну или указал на него. Докажи потом, что не верблюд!

– Кому, как не тебе это знать, – съязвил Антон.

Кирилл наполнил рюмку водкой, молча выпил. Всё так. Самое верное решение – оставить всё как есть, но отчего же на душе так муторно, будто поступают они неправильно?

Позже подошла к нему Полина. Села на колени, обняла, зашептала в ухо:

– Пап, а ведь у Эльки только мама и старшая сестра. Как они теперь? Я как представлю... тошнить начинает от жалости.

– Полька, хорош уже нагнетать, – хмуро отозвался Кирилл, ссадил дочь с колен, снова взялся за бутылку. Он не принимал участия в общем разговоре, сидел, насупившись, глядя на реку, а перед глазами всё стояла та фотография с экрана телевизора.

Не выдержал. Опрокинув в себя очередную рюмку, вскочил, заходил по пляжу, ни на кого не глядя, остановился, резко повернулся к друзьям.

– Да как мы можем, – развёл руками он, – пить спокойно, есть, когда где-то там... кому-то помощь требуется?! Зная, что в нашем лесу человека убили... А?! Вам нормально? Дискомфорт нигде не жмёт?!

– А ты давай, Кирюха, – не выдержал Глеб, – Пляски с бубнами на территории полицейского участка устрой, подними всех по тревоге в ружьё, расскажи сказочку о том, что тебе видения жены навяли. Сходи, сходи, чего уж? Сухарей только захвати в дорожку, а то ведь сразу вызволить тебя проблематично будет. А учитывая, что алиби не имеешь, на тебя и повесят всё, не сомневайся.

Кирилл хотел возразить, да передумал, махнул обречённо рукой, спустился к воде. Вода ещё не прогрелась, как следует, но Кир даже не заметил этого, зашёл, побрёл по мелководью

куда-то прочь от поляны, смотрел на воду, блестящую, переливающуюся в солнечных лучах, и думал, думал... Его догнал Глеб, схватил за плечо, резко развернул к себе. Кирилл даже руки из карманов не вытащил, смотрел, прищурясь, будто не узнавал, с вызовом даже смотрел, чувствовалось, что взвинчен до предела.

– Ты правда мозгами поплохел или придуриваешься? – жёстко спросил Глеб. – О себе не думаешь, подумай о Лизке. Она была там, понимаешь?! Ты её подставить хочешь?

– Нет. – Кирилл тоже умел говорить жёстко и с вызовом. – И в отделение не тороплюсь. Но делать вид, что ничего не произошло, я не буду! – И, сильно толкнув Глеба плечом, он зашагал в обратную сторону.

Глеб догнал снова, хотел остановить, но Кирилл перехватил его руку, провёл захват, совершил бросок. Свидетели этой сцены даже ахнуть не успели, а Глеб всем своим немалым весом рухнул в воду.

Кирилл вернулся домой, включил телевизор, уселся за барную стойку в чём был, то есть в закатанных до колен мокрых джинсах и босиком, поставил перед собой бутылку водки и рюмку. Он щёлкал пультом, гоня телевизор с канала на канал в поисках новостей, и пытался упорядочить скачущие вразнобой мысли. Выходило не очень. Совсем не выходило. То ли недостаток информации тому виной, то ли выпитая водка мешала сосредоточиться. Одно знал наверняка, в стороне остаться не сможет.

Вот пошли новости. Кирилл замер в ожидании.

– «...Сегодня поисковым отрядом в лесу был обнаружен труп девушки...» – заявила диктор с непроницаемым лицом. – «...Документов при ней не обнаружено, личность установить пока не удалось».

– Это всё?! – презрительно фыркнул Кирилл, плеснув в рюмку из бутылки. – А подробности?

Он всё-таки напился в этот день. Когда семья вернулась с пикника, Кир уже спал, раскинувшись звездой поперёк кровати. Лиза присела рядом, нежно провела ладонью по его волосам, коснулась пальцами губ, наклонилась, поцеловала.

– Кирюшка, как же я люблю тебя! Даже такого, пьяного «в хлам».

Он не проснулся. Эту ночь Лиза с Максимкой провели в гостиной на диване.

Кирилл вышел рано утром, на автопилоте добрался до кухни, нашарил в темноте графин с водой и только теперь заметил, что жена ночует в гостиной. Он, не выпуская графина из рук, подошёл к дивану, со стоном опустился на ковёр. Голова болела нещадно. Но это не самое страшное. Что же приключилось с ним вчера? Вспоминать не хотелось. Но картинки упорно крутились перед глазами. Обидел Глеба. Бросил семью на пляже. Напился до потери сознания. Сроду с ним такого не случалось! В своё время Кирилл гордился собственной непотопляемостью, пил на спор, неизменно выигрывая. Но то в далёком студенчестве, сейчас-то что? Хороший пример для подрастающего поколения, ничего не скажешь... Он так и видел язвительную усмешку и укоризненный прищур дочери. Стыдно-то как!

На голову опустилась прохладная ладонь, взъерошила волосы.

– Лиз...

– Т-с... сиди тихо...

Её руки, легко касаясь головы, снимали головную боль, успокаивали, от невесомых прикосновений мурашки бежали по коже и... Что за ерунда такая! Этак ему скоро держаться от жены на расстоянии придётся, чтобы хоть как-то контролировать себя.

– Что ж ты делаешь, ведьма моя? – перехватывая Лизину руку, шепнул он.

– Что? – игриво хихикнула Лиза. – Не понимаю, о чём ты!

Кир с коротким рыком схватил её в охапку, стянул с дивана на ковёр, подмял под себя.

– И теперь не понимаешь? – накрыл поцелуем губы, опустил ладонь на бедро.

– Кирилл, дома дети! – протестующе пискнула Лиза.

– Какие дети в пять утра?! – зарычал он.

Дети не дети, а щенок по имени Дюк во все глаза наблюдал за хозяевами от входа в гостиную, не выдержав, твякнул вопросительно и, едва увернувшись от брошенной в него диванной подушки, уныло ретировался.

4

Днём ранее.

Где-то капала вода. Частые капли срывались откуда-то сверху и шлёпались на бетонный пол, а девочка, дрожа от страха и холода, всё пыталась добраться до источника звука. Подставить бы под капель ладошки, наполнить их и пить, пить... Сколько она здесь? Элька посмотрела на часы, оставленные ей похитителем. Двое суток. Восьмое число. Вечер. Завтра день победы, парад по центральным улицам города, праздник, а она тут, в сыром подвале. Заперта, прикована цепью к полу, лишена каких бы то ни было источников света, а также еды, и что самое страшное, воды.

И ведь она даже понятия не имеет, как оказалась здесь, и что это за место. Ждала сестру на школьном дворе, скучала. Все разошлись, телефон сестры не отвечал, Элька достала из рюкзака куклу и села на ступеньки горки. Горка на школьном дворе знатная, высокая, асфальтированная и даже с трамплином. Как весело кататься с ней зимой, улетаешь по льду почти до самого забора, весело громыкает, подпрыгивая на неровностях, пластиковая ледянка, и ты вскакиваешь, несёшься, хохоча и визжа от восторга с ледянкой наперевес, подхватываешь горсть снега покрасневшей, озябшей ладонью, торопливо, пока никто не видит и не обзывает малышкой, запикиваешь его в рот...

Как же хочется пить! Цепь, закреплённая на щиколотке, ограничивает движения, диаметр импровизированного круга составляет не более трёх метров, и цепь крепкая, не разбить, Элька пыталась разжать слабое, как ей показалось, звено двумя осколками кирпича. Острый обломок в звено загнала, а тем, что покрупнее и потяжелее стучала, в надежде, что камень разомкнёт звено. Хотя бы чуть-чуть, ровно настолько, чтобы протиснуть через него второе можно было. Кирпич крошился, явно не справляясь с металлом, и Эля бросила это занятие. Сил отнимает много, а толку никакого.

Кто её похитил? Зачем? Подошёл сзади, она и не услышала негромкого шуршания гравия, тихим, вкрадчивым голосом сказал: «Здравствуй». Эля обернулась и... А дальше провал. Ничего не помнит, только глаза, странный взгляд, заставляющий покориться.

– Привет, – повинуюсь молчаливому приказу, шепнула девочка. – Кто ты?

– Я тот, с кем ты пойдёшь сегодня.

Всё. На этом обрывались воспоминания, пришла в себя Элька уже в этом подвале, и вот уже двое суток сидит тут на цепи, как сторожевой пёс, даром, что не гавкает. Да и гавкать-то, собственно, не на кого. Не на кошку же, что приходила, когда Эля спала. Любопытное маленькое животное не причинило ей зла. Ткнулась мордочкой в лицо, обнюхала, щекоча усами, муркнула что-то, как показалось девочке вопросительно.

Эля знала, что детей иногда похищают, да что далеко ходить, совсем недавно была похищена Полина, девчонка двумя годами младше. Эля слышала, как рассказывала она свою историю подружкам, и ни слову тогда не поверила. Сочиняет! Не может такого быть, чтобы просто заперли и ничего, совсем ничего не требовали! Выкуп. Вот причина, по которой чаще всего похищают детей. Но в случае Полины понятно. Олигархом, конечно, её отец уж точно не является, но достаток в семье есть, не бедствуют. Хотя, что ей, Эльке, достатком

кажется? Когда от зарплаты до зарплаты копейки считать не приходится. С её семьи выкуп требовать точно не станут, ведь очевидно, заплатить его никто не сможет.

Выходит, другая цель. Элька содрогнулась. Промелькнувшая мысль окатила жаром, стало трудно дышать. Неужто маньяк?! Ну а как иначе объяснить ситуацию? Эля заскулила тихонечко, судорожно схватилась за кольцо, торчащее из пола, именно к нему была приварена цепь, налегла всем весом, потом на себя потянула, снова вперёд, снова назад. И не понимала, что будет дальше, если ей повезёт, и удастся всё-таки, раскатать кольцо и освободиться, но снова и снова толкала его, расшатывая, сбила в кровь руки, но, не обращая внимания на боль, от попыток освободиться не отказалась.

Заскрипела визгливо и протяжно дверь где-то наверху, ворвался в тёмное помещение тусклый свет, и тут же снова стало темно.

– Как ты? – голос будто отражался от стен. И не поймёшь толком мужчина или женщина говорит, старый голос или молодой, что-то совершенно невнятное, невыразительное и безликое. Будто сухой камыш на ветру колышется, стонет и шуршит так надрывно, что душу щемит. Вот и сейчас защемило. От страха. Ужаса даже.

Зачем он пришёл? Убить? Эля шарахнулась к стене, вжалась лопатками, ощутила, как бежит по позвоночнику липкая струйка пота. Он будто видел в темноте. Подошёл уверенно, поставил перед девочкой походную миску с заварной китайской лапшой, сунул ей в руки ложку.

– Ешь!

– Отпустите меня, – жалобно пискнула Элька. – Я ж ничего плохого не сделала. Совсем-совсем...

– Не могу. – Он присел перед ней на корточки, протянул руку, коснулся её лица, провёл пальцами по линии подбородка, коснулся губ. – Ты забавная... Ты! Именно ты должна была стать первой, но я передумал. Тебя я оставлю на сладкое. Убивать буду медленно, смакуя, упиваясь эмоцией смерти...

– За что?! – вырвалось у Эльки. Она не видела в темноте, но почувствовала, что он улыбается.

– Случайный выбор. Правильный выбор. – Голос звучал вкрадчиво, тихие слова будто сверлом вкручивались в мозг и застревали в нём узелками потустороннего ужаса. – Знаешь, в смерти есть своя неповторимая красота, это волишебство, магия, и ты скоро сама убедишься в этом. Да... – мечтательно протянул он, – к твоей смерти мы подготовимся особо...

– Кто ты? – девочка в ужасе вглядывалась в темноту, но та была почти абсолютной, глаза различали лишь слабые колебания вокруг, будто тьму наполнила ещё более глубокая тьма и перемещалась, перетекала с места на место, двигалась, касаясь лица Эльки холодными щупальцами. Разве человеческие руки могут быть такими холодными? Разве человек может обладать кошачьим зрением и свободно видеть в темноте? А в том, что этот ненормальный видит в темноте, Эля не сомневалась.

– Вопрос неправильный. Ты должна спросить, как меня называть... – голос тоже растекался по подвальной темноте, казался нечеловеческим, жутким и в то же время успокаивающим, убаюкивающим даже.

– Как? – борясь со сном, спросила девочка.

– Господин. Я твой господин, поняла?

– Психопат ты конченный, а не господин, – буркнула девочка и провалилась в глубокий сон.

5

– Лизунь, может, Ритку попросим узнать подробности? – размазывая ложкой кашу по дну тарелки, снова завёл прерванный накануне разговор Кирилл.

– Подробности чего? – Лиза резко обернулась к нему. – Кир, ты опять?! Ну сколько можно говорить, мы от всей этой истории должны держаться подальше! Я не хочу больше вмешиваться ни в криминал, ни в разборки полоумных призраков. Не хочу, понимаешь?!

– А ты сама, Лизка... сама сможешь вот так просто не думать, забыть о том, что творится совсем рядом с нами? – тихо спросил Кирилл, откладывая в сторону ложку. – Я вот не уверен. В следующий раз мне где тебя искать? В лесу? На реке? Где, Лиза? Неужели ты не понимаешь, что нас в любом случае втянут в историю, хотим мы этого или нет?!

– Ну почему же? – Лиза пожала плечами. Она не хотела верить, изо всех сил сопротивлялась очевидному, но понимала, что Кирилл прав.

– Напомнить? Это твой дар, Лизунь, и как бы мы ни хотели в сторонке постоять, всё равно так или иначе окажемся замазаны. А я просто боюсь за тебя. Понимаешь? Боюсь, что однажды ты уйдёшь и вернуться не сможешь... Просто из-за того, что отказалась помочь. – Он притянул её к себе, усадил на колени, отведя в сторону волосы, поцеловал за ухом, зашептал, – Я не хочу тебя потерять. Не смогу без тебя. Ты понимаешь? Без тебя рухнет всё. А значит, ради собственной безопасности мы просто обязаны помочь.

– Кому помочь, Кир?! – Лиза решительно оттолкнула его руки, поднялась, отошла к окну. – Я даже не помню ничего. А на попытки вспомнить... ты сам видел, какая реакция.

– Не торопись, всё прояснится со временем. А сейчас, давай, позвони Ритке, меня она не слушает.

Рите Лиза не дозвонилась, та не брала трубку, а после и вовсе звонок сбросила. Но днём Рита явилась сама. Скинув туфли на высоком каблуке, прошла в гостиную, села на диван, закинула ноги на бортик.

– Ну ребят, и набегалась я сегодня! Устала.

– Да уж неудивительно! – язвительно бросил Кирилл, – На таких-то шпильках! Куда тебе, Кузнецова, ещё и шпильки носить? Ты ж и без них каланча.

– Не завидуй! – огрызнулась Рита. – Так о чём я? Короче, следователи доморощенные, была я сегодня в отделе, кое-что разузнала. Эксклюзив. Специально для вас.

– То есть сама ты участия принимать не собираешься? – уточнил Кир. Была у них с Ритой такая забава, пикироваться. Беззлобно, по-дружески, но острыми выпадами они обменивались постоянно.

– Посмотрим. Я бы и вам не советовала, но, зная вас, понимаю, что нечего воздух сотрясать, всё равно мои слова не будут оценены по достоинству.

– Рит... – поторопила Лиза.

– Да... Ну в общем, девушку, погибшую в лесу, уже опознали. Её звали Вострикова Надежда семнадцати лет. Девочка из неблагополучной семьи, из-за склонности к суициду не раз лечилась в психоневрологическом диспансере. Оттуда и пропала буквально накануне гибели. Это то, что касается личности погибшей. Дальше... Ребят, а со смертью её вообще непонятки какие-то. До сих пор не ясно, убийство это или самоубийство. Тело девочки было найдено на лесной поляне. Она лежала на боку, свернувшись калачиком, и казалось, что просто спит, но самое интересное, что вокруг её тела был выложен круг из свечей, а на пальцах девочки следы парафина и копоти. То есть получается, что свечи она затушила сама. Следов борьбы нет, признаков насильственной смерти тоже, но экспертиза ещё не полностью проведена, точнее мне позже расскажут. В общем, очередной «глухарь». Спишут на самоубийство и дело с концом.

– Убийство это! – уверенно возразила Лиза. – Я точно знаю, что убийство!

– Да и я знаю, – вздохнула Рита. – Но дело отдали следователю по фамилии... вы только не смейтесь, Тёпленький. Он, правда, тёпленький. Страдает непроходимостью мыслей, но его умение закрывать дела воистину феноменально. Ориентируется мигом. Назначает виновного,

подчищает всё до зеркального блеска, оглянуться не успеешь, а он очередное дело закрывает, и всё как-то гладко и складно у него выходит, ни разу не спалился с подобной халтурой.

– Тогда точно девчонку в суицидники запишут, – ставя перед Ритой чашку кофе, сделал вывод Кирилл. – Тем более, звоночки имелись... Сколько раз девочка лечилась в диспансере?

– Два, – с готовностью ответила Рита. – Сейчас в третий раз. Но если первые два из-за попытки суицида, то в третий с нервным срывом загремела, когда отчим на неё полез. Отбилась девчонка сама, недаром каратэ занимается, а мужик, пьяный вусмерть, упал да черепушку себе раскроил. Надя подумала, что убила, как результат – нервный срыв.

– Склонна девочка была к суициду, чего уж отрицать, – пожала плечами Лиза, – Смерти искала, и она её всё же нашла.

– Вы представляете себе девочку с нервным срывом? – задумчиво глядя в окно, поинтересовался Кирилл. – Посудите сами. Надя сбежала из психушки, купила свечи, много свечей, ушла в лес, выбрала симпатичную полянку, расставила свечи по кругу, зажгла их, потом погасила, легла и умерла. Не смешно?

– Не смешно! – от дверей заявила Полина. – Но ты, папа, прав.

– Вот! Даже ребёнку очевидно, что подобного в принципе быть не могло. Исходя из услышанного, могу сделать вывод, что была Надя девушкой импульсивной, а, следовательно, не стала бы так тщательно готовиться к самоубийству. Вот если бы, положим, повесилась прямо под окнами психушки, я, может быть, и поверил, но не так. И потом... Способ? Из-за чего она умерла? Ну не из-за того же, что свечи погасли!

Ответом на его вопрос, пиликнул Ритин мобильник. Пришла смс. Рита прочитала и посмотрела на Кирилла.

– Пентобарбитал. Экспертиза показала, что перед смертью Надя приняла этот препарат.

– Что за зверь?

– Сильное седативное. Он не то чтобы запрещён, но достать его очень сложно, он почти не используется в медицине.

– Откуда познания? И вообще, это дело в открытом доступе? Откуда тебе, Ритка, известны подробности и детали?

– Препарат этот в одном деле фигурировал. Давно ещё. Я тогда в универе училась, препод рассказывал. Пентобарбитал используют для наркоза или эвтаназии животных, причём труп такого животного сжигается в обязательном порядке. Отвечаю на следующий вопрос. Вторым экспертом в отделе служит наш с Лизкой одноклассник – Дымченков Игоряха. От него и сведения.

– Вот и ответ. Ладно, с информатором всё ясно, в разведку с ним не пойти, мне другое интересно, как следователь со смешной фамилией сольёт это дело?

– Он справится. Прижмёт Пахоменко и делов-то... Тот липовое заключение состряпает. Кому надо возиться?

– Мне! – коротко бросил Кирилл. – А вдруг серийник? Да даже если и нет! Ну не могу я оставить смерть девчонки без внимания, и жить дальше так, будто ничего не произошло. И Лизка не сможет. Лиз?

– У нас дочь, Кирилл. – Лиза, помедлив, кивнула. – У друзей наших девчонки подрастают. Мы не можем ими рисковать. А ещё та девочка, Эля... Я чувствую, всё как-то связано между собой, и, наверное, как всегда, Кирюш, без нас некому мир спасти. И вот что я предлагаю... Мне надо попасть на место гибели Нади. Думаю, оно окажется более информативным, чем кукла.

– Найдёшь? – засомневался Кирилл.

– Куклу возьму. Надеюсь, всё получится.

– Я с вами! – загорелась идеей Рита. – Вот только переодеться надо. – И умчалась как была босиком, подхватив в коридоре туфли, но не обув их.

Лес встретил путников настороженной, глухой тишиной. Прозрачный сосновый бор, раскинувшийся на многие километры, сейчас казался враждебным и пугал непривычным безмолвием. Не было слышно птиц, не перешёптывались лениво в вышине густые кроны, не стучал деловитый дятел, и только прошлогодние шишки, изредка попадаясь под ноги, раскалывались с сухим треском, напоминая в этой странной тишине пистолетный выстрел.

Кирилл с Лизой шли впереди, Рита плелась за ними, поглядывала завистливо. Ещё бы! Им не страшно, они идут вдвоём, за руки держатся, а она вынуждена вздрагивать от каждого звука. Чтобы нарушить тишину, Рита принялась говорить. Она была убеждена, что разговор помогает отвлечься от страха, шла и бубнила за спиной у друзей, о том, как Антон набивался им в попутчики, а она дома его оставила, с Макаром, а не надо было, всё ей в обществе мужа спокойнее.

– Ритка, хорош бормотать, отвлекаешь, – досадливо одёрнул её Кирилл. Рита осеклась на полуслове. Кому она мешает? Ему? Ведёт же Лиза. И только теперь Рита заметила, что Лиза вроде как и не при делах, Кир её буквально тащит за собой. Причём дорогу не спрашивает, идёт быстро и очень уверенно, будто знает куда.

– Кирюш! – взмолилась Лиза. – Ну постой, притормози чуток! Я больше не могу бежать.

– Лизунь, скоро гроза, – коротко бросил Кирилл, не сбавляя темпа.

– Так что же? Я больше не боюсь грозы и давно.

– Не в том дело. После дождя мы, возможно, ничего отыскать не сумеем. Надо спешить. – И добавил извиняющимся тоном, – Вы уж потерпите, девочки, осталось всего ничего.

Они увидели её одновременно. Оба резко остановились, так резко, что Рита, не уследив за манёвром, налетела на них.

– Эй, вы чего?

– Мы пришли, – шепнула Лиза. – Вот она.

Лиза видела её чётко, так, будто девочка живой была, Кирилл – только очертания – лёгкий и почти незаметный сгусток тумана, застывший у самой земли, но круг из свечей увидели все трое, полицейские не потрудились убрать их, забрали, видать, несколько штук на экспертизу, а остальные так и оставили.

Свечи, самые обыкновенные магазинные свечи, были воткнуты прямо в землю на расстоянии не более пяти сантиметров и образовывали замкнутый круг, диаметром около двух метров, а внутри круга, сжавшись в комок и подтянув к подбородку колени, сидела девушка, одетая в полинявший от частой стирки спортивный костюм.

– Привет, Надя! – окликнула её Лиза.

«Ты меня видишь?!» – подняла голову девочка. – «Если да, скажи, что со мной? Почему ты видишь, а другие нет?»

Лиза задумалась. Ну как объяснить девчонке ситуацию? Она, скорее всего, и понять не успела, что умирает...

«Да нет, я знаю», – правильно истолковала затянувшуюся паузу Надя. – «Я понимаю, что умерла, впрочем, меня это сильно не расстроило. Кому я нужна вот такая?!»

Девочка действительно была некрасива. Низкий лоб, густые, широкие брови, маленькие глаза, правда, в обрамлении длинных, густых ресниц, но при этом она являлась обладательницей маленького аккуратного носика и полноватых, чётко очерченных губ. Не красавица, но и страшненькой не назвать, просто девочка ещё не успела вырасти, оформиться, да понять, какие чудеса может творить макияж, а уже наслушалась. Люди, желая добра, частенько такие вещи говорят, от которых хоть в петлю лезь, и не понимают, как ранят высказыванием вроде: «да кто ж тебя такую замуж возьмёт»... И пожалели вроде, и посочувствовали, удалились, гордясь собой, а девчонка осталась в одиночестве разглядывать собственное отражение в карманном зеркальце. Ну в самом деле, кому она такая нужна, некрасивая?!

– Ты же не сама? – уточнила Лиза.

«Нет...» – Надя наморщила лоб, задумалась, вспоминая, но в отчаянии покачала головой. – *«Будто память отказала. Помню двор диспансера, забор... за забором он. Я подошла, а дальше... Нет. Ничего не помню, пустота».*

– Почему не уходишь?

«А не могу!» – крикнула девочка, в отчаянии всплеснув руками. – *«Не могу, понимаешь?! Я в клетке!»*

– Да почему?! Встань и иди.

Она встала послушно, шагнула и словно на стену налетела, отскочила с коротким вскриком.

«Думаешь, я не пробовала? Он что-то сделал. Он запер меня».

Лиза вытащила несколько свечей из земли.

– Наденька, теперь попробуй.

Но и в этот раз ничего не вышло.

«Помоги мне», – снова опустившись на землю, жалобно попросила Надя. – *«Я не хочу здесь больше. Мне страшно и одиноко».*

– Обещаю. Я обязательно что-нибудь придумаю. А ты... куклу эту помнишь?

Надя улыбнулась.

«Смешная... Она была у меня в руках. Всё время. Я не знаю, чья она, он мне протянул её, сказал, чтобы берегла».

– Ты вспомнила? – Лиза обрадовалась, но Надя только головой покачала.

«Нет. Только куклу. Её – нет».

– Ну хорошо. Надя, мы сейчас должны идти, но я обещаю подумать, как вытащить тебя из круга.

«Я тебе верю». – Девочка махнула рукой на прощание и закрыла ладошками лицо.

– Ну рассказывай! – Рита требовательно ткнула кулаком Лизу в бок. – Я сгораю от любопытства.

– Сейчас. Только мужу один вопрос задам. Кирилл, скажи, пожалуйста, как тебе удалось место преступления найти?

– Мне?! – Кирилл моргнул растерянно, пожал плечами, припоминая. – А я не знаю. Шёл и всё. И Надю я, кажется, видел.

6

Дверь распахнулась сразу, едва затихла в глубине квартиры короткая трель звонка. Капитан Михальчук едва в сторону успел отскочить, выругался сквозь зубы, привычным жестом протянул вперёд руку с раскрытым удостоверением.

– Белов Руслан Иванович? – дежурно поинтересовался он, окидывая внимательным взглядом открывшего дверь мужчину.

– Он самый, – с готовностью кивнул тот. – Проходите, капитан. Я знал, что ко мне придут.

– Интересно... Третий глаз открылся или магию вуду практикуете? – хмуро пошутил Михальчук.

– Шутка не удалась, – заметил мужчина. – Это знаете ли разные вещи...

– А по мне так одна петрушка. Так откуда знаете?

– Проходите на кухню, присаживайтесь... чаю хотите? – и, подождав, пока капитан устроится на стуле, поставил перед ним чашку. Наполнил чайник водой из-под крана, достал из полки плетёнку с домашним печеньем, и только когда приготовления к чаепитию закончились, заговорил. – Я ведь последним Эльвиру видел, было бы чудно, если бы меня не навестили сотрудники правоохранительных органов. – Он помедлил. – Позвольте вопрос? Я по вашему ведомству прохожу как свидетель или как подозреваемый? Это важно.

– Это будет зависеть от хода нашего с вами разговора, преждевременные выводы я не делаю, но вопрос всё-таки задам. Где вы были шестого мая с восемнадцати часов?

– Не с восемнадцати. В шесть вечера я ещё в зале был, ребят отпустил с тренировки где-то в районе семи, дождался, пока уйдут все, и сам домой пошёл. В восемь мы выехали, в девять тридцать, примерно, я был на даче. Вернее, нет, это не дача, деревня, но жене нравится называть её дачей. Мы как раз шестого на дачу-то и приехали, а назад сегодня утром вернулись.

– Вот как... Кто это может подтвердить?

Руслан усмехнулся. Кто? Да все соседи! В тот день они с братом Олегом выпили, да лишку хватили, и пошло веселье. Сначала пошли песни под аккордеон. Вся деревня слушала, как бьётся в тесной печурке огонь. А что ещё прикажете петь накануне дня победы? Вот они и пели слаженным дуэтом все военные песни, которые только припомнить могли, потом на квадроцикле катались, распугали кур у бабы Глаши и завалили соседский забор, потом всё на том же квадроцикле к фельдшеру брата возил, того за ногу дворовая шавка тянула, а потом... случилось утро.

– Да вся деревня и подтвердит. Мы с брательником знатно пошумели...

– То есть алиби, Руслан Иванович, у вас имеется?

– Да. Алиби есть.

– Хорошо. Тогда расскажите, о чём вы беседовали с девочкой на школьном крыльце.

– О чём беседовали? – Руслан поднялся из-за стола, взял закипевший чайник, разлил кипяток по кружкам. – Да ни о чём. Я спросил, надо ли проводить её. Дело в том, что Эля никогда не ходит одна, только вместе с сестрой. Они и в секции занимаются вместе, но Оксана в тот день не пришла, готовилась к экзаменам. Словом, Эля отказалась от моего предложения, сказала, что Ксанка... Вернее Оксана вот-вот придёт за ней. Было светло, я и подумать не мог, что... – он с грохотом опустил на стол кружку, горячий чай выплеснулся на руку. – Чёрт! – Руслан подошёл к мойке, открыл холодную воду, сунул кисть под струю. – Извините. Эмоции... Я всё вспомнить пытаюсь. Как узнал, так и думаю, не сплю совсем. У нас ведь школьный двор так густо деревьями засажен, что спрятаться довольно просто. Может и был там кто ещё, но я не видел.

– И по дороге домой никого подозрительного не заметили?

– Да о чём вы? Весна, тепло... За гимназией сквер, дома кругом, дворы. Народу столько, что заметить что-то или кого-то подозрительного нереально. А Эля от школьного двора совсем в другую сторону ходит, даже если и перехватил кто, так я бы при всём желании разглядеть не сумел.

– Не перехватили. Со школьного двора увели. Рюкзак девочки так и остался в кустах лежать.

– А камеры?

– Пусто. Дальше крыльца ничего не рассмотреть. Свидетелей тоже нет, что странно.

– Ничего странного. В толпе очень легко затеряться, – пожав плечами, не согласился школьный физрук. Он всё размешивал и размешивал ложечкой в кружке давно растворившийся сахар. Нервничает. С чего бы? Переживает за свою ученицу? Или ему есть что скрывать?

– Вероятно. Это в том случае, если девочка знала своего похитителя и доверяла ему. Руслан Иванович, дайте мне координаты вашей деревни. Алиби проверки требует.

– Да, конечно... Я ж понимаю всё. И если бы я только мог помочь вам! Знать бы, что так случится, ни за что бы девчонку у школы не оставил...

– Спасибо за чай, Руслан Иванович, мне пора. Если понадобится, я вызову вас повесткой, вы на время следствия город постарайтесь не покидать. Ну а если вспомните что-нибудь, вот моя визитка, – он положил на стол белый прямоугольник. – Звоните.

– Один вопрос можно? А та девочка, которую в лесу нашли... это точно не Эля?

– Точно. Она старше намного.
– О ней известно что-нибудь?
– Мне нет, – слукавил Михальчук. – Не я это дело веду. А почему интересуетесь?
– Да как-то, товарищ капитан, любопытно стало. В нашем тихом районе такое ЧП произошло, вот и возник интерес.

Михальчук вышел из подъезда, сел в салон старенькой «Ауди» и задумался. Не понравился ему Руслан Иванович, ох не понравился. А чем, не ясно. Вроде мужик как мужик – спокойный, рассудительный, говорит чётко и по существу. Таким, наверное, и должен быть школьный учитель, такого из себя вывести, ещё постараться надо, а у него на уроках, скорее всего, даже самые отъявленные хулиганы не бунтуют. Любят таких преподавателей дети, не изводят своей жестокостью. Но Михальчука что-то кольнуло в их разговоре, неясное чувство тревоги выглянуло, на мгновение явив себя взору, и скрылось, не дало рассмотреть. Он будто ощутил чужой страх, тщательно спрятанный в недрах души, но сильный, на грани ужаса. Чего боится учитель? Почему решил, что его могут подозревать в пропаже ребёнка? Станный тип.

Михальчук хорошо разбирался в людях, достаточно было парой фраз перекинуться, чтобы составить представление о человеке, но школьный учитель сумел его удивить. Вроде бы открытый человек, прямой, без наносного пафоса, но простота эта скрывает под собой что-то серьёзное, то ли душевный надлом, то ли гнильцу – не понять. Боится. Чего вот только? За девочку боится или за себя? Если второе, то имеется ли на то причина? Ладно, алиби он проверит поминутно, проследит путь учителя от самого крыльца вплоть до сегодняшнего визита, но Дмитрий Ильич очень сомневался, что след этот, на данный момент единственный, сможет привести его к пропавшей девочке. Весь отдел на ушах стоит, опера носом землю роют, свидетелей по микрорайону ищут, а впечатление создаётся, будто в тот самый час, когда девочка ушла со школьного двора, город в зону отчуждения превратился. Никто ничего...

И вообще... Не давала покою капитану эта история с пропавшей девочкой, да ещё с той, другой, найденной в лесу. Чудилась ему связь между девочками, но вот объяснить свои домыслы он не мог даже себе, а дело о гибели Нади Востриковой досталось, надо же такому случиться, самому нерадивому следователю, другого такого ещё поискать! Ведь как есть спешит на самоубийство, хотя факты вопят об обратном! Даже на словах версия о суициде абсурдной кажется, всё равно, что написать в заключении, как тело само упало на нож семнадцать раз... Ага! Та же песня. Девочка убегает из клиники... ладно, пусть психоневрологического диспансера, для того, чтобы совершить суицид. Для этого она покупает в магазине пару сотен свечей, специально для неё в таком количестве завезли, и умудряется достать пентобарбитал – препарат редкий, неиспользуемый в современной фармакологии. Зачем такие сложности? Положим, если на минуточку допустить, что так всё и было, и девочка из собственной смерти решила устроить театрализованное представление, то и тут не всё гладко выходит. Если происшествие суицид, то он, скорее всего, имеет ритуальную основу, что совсем не вяжется с образом импульсивной девочки, подверженной нервным срывам. Ритуальные суициды они действительно тщательно подготовлены и спланированы, но в секте Надя не состояла, да и времени на подготовку не имела, а ведь всё одно – на самоубийство спешит...

Спишут, обязательно спишут, а потом снова дело поднимут, ибо убийство девочки очень смахивает на серийное. Надо проверить, не было ли где в округе чего подобного. Сводки поднимать... Хотя, в любом случае на серийник убийство очень походит. Кто-то же должен стать первой жертвой. И, скорее всего, ею стала Надя Вострикова.

Михальчук достал сигареты, закурил, выпустил в окно струйку голубого дыма, беспокойно побарабанил пальцами по рулю, поднял голову, кинув взгляд на окно учителя. Показалось, или штора качнулась? Надо бы покопаться в этом деле тихонечко, не привлекая к себе внимания, подробности разузнать, а у кого, как ни у судмедэксперта?

– Здравствуй, Пахом, – сказал он в телефонную трубку. – Давненько мы с тобой не пересекались под шашлычок да коньячок. Исправим недоразумение?

– И тебе здравствуй, – насмешливо отозвался Пахоменко Николай Сергеевич – судмед-эксперт и хороший приятель Михальчука. – Дай угадаю с одной попытки... Делом девочки убиенной заинтересовался?

– Так точно! – в тон ему подтвердил Михальчук, – Ничего-то от тебя не скроешь, старый ты лис. Ну так как насчёт коньячка?

– Да понимаешь ли, Димыч, коньячок – это конечно очень даже заманчиво, но дело-то не ты ведёшь, не могу я оглашать подробности и делиться умозаключениями.

– Коль, ты же сам понимаешь, она девчонка совсем, как родителям-то теперь жить с грузом вины и осознания того, что их дочь самоубийца? Ведь к такому заключению дело движется, я угадал?

– Угадал, угадал... – Пахом вздохнул тяжело, выдержал паузу. – Ладно, Дим, давай в Погребке через час.

Пивная Погребок погребком по сути и являлась, в том смысле, что располагалась целиком и полностью под землёй. В пивную переделали бомбоубежище, впрочем, интерьером особо не озадачиваясь. Оставили всё как есть – бетонные стены, пол, лампочки под потолком, имитация проводки по стенам. Железная лестница с ржавыми перилами, грубо сколоченные столы, с раритетными керосиновыми лампами на каждом, скамейки, постеры с чёрно-белыми изображениями на стенах, на каждом прослеживалась военная тематика. Хозяин за голову схватился, увидев результат работы модного дизайнера интерьеров, посчитал это кощунством и надругательством над памятью, постеры распорядился снять, на остальное махнул рукой, но, как ни странно, горожанам пивная понравилась. Даже тот факт, что еду подавали в алюминиевых мисках, а пиво в алюминиевых кружках никого не смущал, напротив, привлекал. Новаторские идеи многим пришлись по вкусу, в городе появилось ещё парочка заведений подобных Погребку, но конкуренции они не выдержали, как открылись, так и закрылись вскорости, а, чтобы попасть в Погребок, столы заранее заказывать приходилось.

Пахом уже ждал Михальчука, тот сразу увидел друга, сидящего за столиком в углу, приветственно махнул рукой, прошёл через весь зал, сел напротив. Тут же возле стола появился мальчишка – официант.

– Ну? – спросил Михальчук, когда расторопный паренёк, приняв заказ, поспешно удалился в сторону кухни, – Что расскажешь?

– Вот так тебе ни «здрате», ни «как дела». Резкий ты, Димыч, как детская неожиданность.

– Так чего ж тянуть? – откинувшись на спинку скамейки, усмехнулся Михальчук. – Поговорить, да по коньячку. Или по пиву? Мы в пивнушке всё-таки.

– Да не, коньяк пусть будет. А по делу... – Николай помрачнел, почесал пятернёй затылок. – Не хотел я, но пришлось заключение изменить слегка. Знаешь же, у Тёпленкого на каждого компромат имеется.

– Знаю. И о заключении догадываюсь. Не пентобарбитал, а обычный крысиный яд, верно? Не две сотни свечей, а всего-навсего десяток? Ровно столько тебе привезли из леса?

– Таки да. И залечу я с этим заключением, как пить дать. Ведь что у нас получается, Димыч, маньяк объявился?

– О маньяке я тоже подумал. – Михальчук медленно кивнул, достал из кармана пачку сигарет, но вспомнил, что курить в питейных заведениях с некоторых пор запрещено, с досадой бросил пачку на стол. – Серийник налицо. Давай подробности...

– Ну что... девочка в лесу как бы одна была, но сам понимаешь, лес сосновый, следов и быть не может, земля толстым слоем хвои покрыта. Смерть наступила от пентобарбитала, что, впрочем, тебе уже известно. Непонятно, откуда.

– Опустим подробности, – загадочно улыбнулся капитан. – Давай дальше.

– Что дальше? В лесу на полянке круг был, свечами выложенный, на пальцах девочки следы парафина и копоть, она свечи, видимо, пальцами гасила, выше озвученного препарата при ней не нашли, так же не нашли его ни дома, ни в больничной палате диспансера. Что, собственно, и не удивительно. Следов борьбы не было, и вот это странно. Именно на этот факт давит Тёпленький, утверждая, что девочка ушла из жизни сама.

– Но ты так не думаешь?

– Разумеется. Пентобарбитал – препарат быстрого действия, да ещё в таком количестве... у девочки и времени-то оставалось свечи погасить, не более того.

– А дальше? – Михальчук содрогнулся, представив, как мучительно умирала девчонка.

– Нет, – угадав его мысли, покачал головой Николай, – она не мучилась, сначала наступил сон, а уже после остановка дыхания и смерть. Вопрос в том, как она его приняла. Исследовав содержимое желудка, я сделал вывод, что препарат был подмешан в напиток, он легко растворяется, но бутылки из-под «Фанты» на месте преступления мы не нашли, то есть кто-то унёс её с собой, ибо выбросить пустую бутылку где-то в другом месте, девочка физической возможности не имела. И ещё... Она лежала в такой позе, будто обнимала что-то. Ну как будто игрушку. В руках при этом ничего не было.

– Тоже забрал?

– Похоже на то... Странность заключается в том, что следов борьбы нет. Понимаешь, Димыч? Вообще никаких! Я бы сказал, что она пришла на полянку в сопровождении друга или человека, которому доверяла, зашла в круг, выпила газировку из бутылки, погасила свечи, легла и заснула.

– Или гипноз?

– Или гипноз, – согласно кивнул Николай, – Но его, увы, никак не обнаружить, а Тёпленький с пикой наперевес галопирует к финишной прямой. Ведь плёвое дело получается, да? Сфабриковал дельце, навесил на девчонку ярлык суицидницы и гордится собой. Серёжа – молодец! У Серёжи раскрытие! А ну как через месяц новый труп появится? Да такой же? А? Что будет? Правильно мыслишь, Димыч, во всём окажется виноват Пахоменко Николай Сергеевич. Экспертную оценку неверную дал! Во как! Такая редиска с петрушкой. – Он опрокинул в себя рюмку коньяка, досадливо поморщился и передёрнул плечами.

– Невесёлая картинка... Компромат на тебя серьёзный? – Михальчук пить не торопился, задумчиво катал по столу пустой стакан и наблюдал за чадящим огоньком керосинки.

– Не так чтобы очень... Вот я и думаю, какая из гранат сильнее по мне шархнет.

– Если мы правы, и в нашем городе объявился серийник, то тут, друг, к гадалке не ходи. Думай, конечно сам, но если хочешь услышать моё мнение, скажу: боком выйдет тебе поддельное заключение.

– Ты прав, определённо прав, Димыч. Нельзя это спускать на тормозах, пусть убийством Тёпленький занимается, в конце концов, это его работа. А ты ведь тоже копать будешь? Я верно мыслю?

– Буду. Жаль, что неофициально, но выбора нет.

– А с твоим-то делом что? Не вышел на след девочки?

– Какой тут... Но сдаётся мне связаны эти два дела, крепко связаны, и с Тёпленьким нам не раз лбами столкнуться придётся.

– Ты уж это, друг... покрепче вдарь, чтобы у него искры из глаз посыпались, и контузия случилась, а с меня при таком раскладе знатный магарыч.

7

Он пришёл. Он снова пришёл, заставив Эльку встрепенуться в испуге и спиной вжаться в холодную стену. Глаза привыкли к темноте, но по-прежнему видела девочка только неясные тени. Он и был тенью. Страшной, несущей в себе угрозу, вселяющей потусторонний ужас.

– Испугалась? – он будто кайф ловил от её страха. Шумно втягивал ноздрями воздух, приближался медленно, неторопливо, так, как мог бы передвигаться кот – тихо-тихо, и не шёл вроде, перетекал, перемещался, подкрадываясь к жертве незримым охотником.

– Ты пришёл за мной? – собственный голос показался Эльке чужим – хриплым и грубым, но не спросить она не могла, этот вопрос был жизненно важен, а от ответа зависело всё. Вся её Элькина жизнь.

– А ты чего хотела бы? – не ответив, вкрадчиво уточнил он. – Жить дальше на цепи и в темноте или уйти легко и безболезненно? Просто заснуть и не проснуться больше... Выбор-то невелик.

– Жить! – приглушённо пискнула девочка. Ей показалось, что от её выбора ничего не зависит, он спрашивает просто так, играясь с ней как тот же кот мышью.

Он наклонился над ней, Элька ослепла и оглохла от ужаса, взял за подбородок двумя пальцами, запрокинул ей голову назад.

– Смешная... Все вы, жалкие людишки, выбираете жизнь. Ничьённое, тупое существование. Держитесь за драгоценное существование, руками и ногами цепляетесь, а не понимаете, что свет он не здесь. Он там, за гранью бытия. Там настоящая жизнь, но какой она будет не нам решать... Хочешь туда, Эльвира?

– Нет! – Элька завизжала, он, накрыв ей ладонью лицо, оттолкнул от себя, да так, что девочка затылком ударилась о стену и на короткое мгновение потеряла сознание.

– Заткнись, дрянь!

Он плеснул ей в лицо из бутылки, Элька зашевелилась, отползла в сторону настолько, насколько позволила цепь.

– Не сегодня. И не завтра. – Вот теперь он ответил на её вопрос. Не сегодня и не завтра. Значит, два дня у неё точно есть. Целых два дня жизни, это много или мало? Пока остаётся надежда, скорее много. За два дня произойти может всё, что угодно.

И снова Элька задумалась о выборе. Нет уж, лучше жить. Пусть так, на цепи, но жить и надеяться на освобождение, чем сдаться и покориться судьбе. Её ищут. Не могут не искать, и чем больше дней у неё будет, тем выше вероятность того, что найдут.

– Я поесть тебе принёс и попить, – сообщил мучитель, и только теперь в ноздри голодной девочки ударил запах курицы гриль. – Кладу на пол, сама найдёшь.

О том, что он уходит, Элька догадалась разве что по отступающему страху, но с места не двинулась, хоть и терзал беспощадно голод, а острый запах, источаемый курицей, сводил с ума. Это ж праздник какой-то! Элька еле дождалась, когда хлопнет наверху дверь, бросилась к пакету, мигом разорвала его, извлекла половину куриной тушки, завернутую в лаваш, с жадностью принялась за куриное мясо. Но слопав куриную ногу и пол-листа лаваша, остановилась, подумав, завернула курицу обратно в фольгу. Кирпичная кладка стены в одном месте была разрушена, девочка положила курицу на кирпичи, подняла с пола бутылку с водой. Воду тоже требовалось экономить. Набрав в рот воды, Эля закрутила крышку и, убрав бутылку туда же, куда и курицу, села на пол и снова принялась за кольцо в полу.

Может быть, ей только кажется, но кольцо потихоньку начало поддаваться, металлический штырь уже не так плотно сидел в бетонном полу, как раньше.

Сильно болела голова, противно подташнивало, наверняка сотрясение, но Элька старалась не обращать внимания, задачу – выжить любой ценой – она намеревалась выполнить в ближайшие дни, она не сдастся, она боец.

Воевать одной, ох как сложно, даже за собственную жизнь бороться порой не хочется, и часы изнуряющей тяжёлой работы непременно сменяются апатией. Сколько раз девочка падала без сил – не сосчитать, и почти каждый раз рядом с ней оказывалась кошка. Маленькая, очень худая, короткошёрстная – это всё, что могла сказать Элька о своей подруге. Долгими часами они лежали вместе на холодном полу, и кошка не дичилась, лезла к девочке ласкаться, мурчала без конца, словно поддерживая, цекотала лицо усами, иногда, будто стесняясь своего порыва, коротко проходила по щеке девочки шершавым языком.

Элька делила с ней жалкие крохи еды, наливала воды в горстку, пытаясь напоить, и кошка её заботу принимала с благодарностью, никуда не убегала, всё сидела с девочкой в сыром подвале – царстве крошечной тьмы, поддерживала своим присутствием.

День прошёл, ещё день, и ещё... Каждый день приходил он. Приносил еду, воду, но прежде чем отдать, непременно пугал Элю до обморочного состояния. Он много говорил о смерти, о том, какая она величественная и могущественная, никого из своих объятий не выпускает, а его миссия служить проводником между мирами, провозжать людей до самого смертного порога. Эля ловила каждое слово и мысленно содрогалась от непередаваемого ужаса.

Да его в психушке надо держать под пудовым замком! Он же псих! Нормальный человек разве может говорить о таких вещах? О смерти как о высшем благе, как о милости создателя! У Эли в голове не укладывались его слова, казались плодом воображения больной фантазии. А самым страшным казалось, что он искренне верит в великую цель своей миссии. Чем можно остановить фанатика? Правильно, кусочком свинца, например, но до тех пор, пока это не случится, он будет убивать.

Прошла неделя. Элька совсем обессилела, но надежду на спасение не теряла, уже скорее механически, чем осознанно раскачивала в полу штырь. К слову сказать, он почти поддался. Почти... Но хватит ли у девочки сил довести начатое до конца, и есть ли у неё время. Иногда в голову приходили странные мысли. А что если правда, взять и уйти? Прекратить бессмысленное сопротивление судьбе, просто сказать своему мучителю, как она устала от всего. Вот он обрадуется!

Но нет. Умирать не хотелось. И всё чаще Элька вспоминала дом. Часами могла лежать на листе картона, что с барского плеча пожертвовал маньяк, а в том, что попала в руки маньяку, девочка уже не сомневалась, поглаживала кошку и представляла, закрыв глаза, как плещется в ванной, а Ксанка сердится за дверью, стучит, ругается. Или кухня... Их маленькая уютная кухня, где толкались они втроём, хихикая и пикируясь лепили пельмени. И так хорошо было им в этом маленьком мирке, их мирке.

Что там дома без неё? Мама, наверное, совсем спилась с горя, Ксанке в одиночку её не удержать. А сама Ксанка как без неё, младшей сестрёнки – вечной соперницы, лучшей подруги...

Нет. По собственной воле из жизни она не уйдёт, до последнего биться будет, пытаясь вытащить из пола штырь. А выбьёт... что дальше? Есть ли из подвала выход? Та дверь, через которую приходит к ней мучитель не в счёт, она наверняка закрыта надёжно. Но ведь кошка как-то попадает в подвал, значит, есть что-то, пусть не выход, но хоть слуховое оконце. Добравшись до него, девочка сможет позвать на помощь.

А штырь в полу уже ходуном ходил из стороны в сторону, но выдернуть его пока никак не получалось.

8

Валерка Вихорский сидел на детских качелях и, кутаясь в ветровку с капюшоном, курил, зажав сигарету большим и указательным пальцами. Под ногами на земле стояла начатая бутылка пива, мальчишка время от времени прикладывался к ней, делал маленький глоток, морицился и ставил её обратно на землю. Паршивое пиво. К тому же ещё и тёплое. Гадость в квадрате. Но другого нет, и достать негде, приходится пить то, что удалось умыкнуть у отца.

Отец накануне вернулся домой с зоны и первым делом побил Валеркину тётку, хмурую и не улыбочивую, но чего уж тут, вырастившую Валерку. Последние пять лет она была при нём неотлучно – прибиралась, готовила, лечила, когда болел, но не более того. Была она немногословной, скупой на ласку, и будто не было при ней малолетнего племянника – шалопая, жила какой-то своей, непонятной Валерке жизнью. Никуда не ходила, только на работу, ни с кем не общалась, могла часами сидеть в кресле перед сломанным телевизором и смотреть на пустой экран. Валерку она никогда ни за что не ругала, ей было всё равно, ночует ли дома подросток двенадцати лет, посещает ли он школу, в каком виде он приходит вечером, она без слов и порицаний забирала его грязную, а порой и порванную одежду, стирала, штопала, а он, знай себе, пользовался свободой. Да так пользовался, что жители соседних домов десятой дорогой обойти его старались, да взгляд отводили, коль уж довелось столкнуться. Грозен он был, мстительностью отличался и яростью неукротимой, соседи связываться боялись. Один осмелился, замечание сделал. Вежливо так, спокойно, мальчик промолчал, только глянул хищным зверёнью, а ночью все четыре колеса новенькой, блестящей иномарки соседа проколол.

Или на днях мамаша, гуляющая на детской площадке с мальшом, покосилась неодобрительно в сторону угрюмого мальчика, развалившегося с банкой коктейля на скамейке, не сумела презрения и негодования скрыть, а он запомнил, обыскал подвезды ближайших домов, нашёл в общем коридоре коляску этого мальши, поднялся повыше, на семнадцатый этаж дома, вышел на балкон и отправил транспортное средство в полёт. Что уж о ровесниках говорить, самые отчаянные глаза опускали и с дороги сворачивали.

А тут, как отец на тётку налетел, оробел вдруг лихой Валерка, забился в угол, смотрел полными ужаса глазами, и губы мелко тряслись. И понимал, что заступиться надо, люто в тот момент возненавидел парень отца, но не мог заставить одеревеневшее, чужое тело двигаться. Так и смотрел, а потом, когда тётке вырваться удалось, совсем уж постыдно выскочил из комнаты, зацепился за дверной косяк, упал, растянувшись на полу, подскочил и опрометью бросился за дверь.

В подьезде, миновав один лестничный пролёт, мальчишка остановился. Сердце колотилось барабанной дробью, из груди рвались всхлипы, а злость, большие на собственную трусость, чем на буйство отца, заставляла вновь и вновь бить кулаком в стену и рычать, рычать раненым зверем.

Тётка вышла через полчаса. С вещами. Валерка скатился по лестнице, встал перед ней, опустив голову, глянул исподлобья виновато, вздохнул, не умея извиняться.

– Не надо, Валер, – сухо и без каких-либо эмоций, проговорила тётка. – Не нужно, не извиняйся. Ты по большому счёту, совсем мальчишка ещё...

– Тётя... Я это... я не хотел, не смог просто...

– Я ухожу, – властным жестом остановила неловкий поток его слов она. – Совсем ухожу. Натерпелась я и от отца твоего, и от тебя тоже. Спокойно хочу свой век на земле дожить.

– А как же я? – шепнул мальчишка.

– Ты? Да как и раньше. – Она равнодушно пожала плечами, скользнула по тщедушной мальчишеской фигурке ничего не выражающим взглядом. – Пей, воруй, дерись, что с тобой станется? Только меня, племянничек, в дела свои бандитские не впутывай.

Он съёжился, втянул голову в плечи, словно от удара защищаясь, а тётя даже лифта ждать не стала, не желая ни минуты оставаться с ним рядом. Она даже не обернулась, а Валерка, онемевший от осознания собственной беспомощности и никчёмности, так и остался стоять, лишь потом, когда хлопнула где-то внизу подъездная дверь, рухнул на ступеньки и заревел. По-детски, размазывая слёзы по лицу.

Отец лютовал. Он перевернул крошечную Валеркину комнату в поисках записки, почему-то был уверен, что таковая у сына имеется, и оказался прав. Денег в старой готовальне нашлось приличное количество, Валерка вот уже три года копил на мопед, подворовывал, конечно, не без этого, а как иначе? На тётку рассчитывать он не мог, да и не подошёл бы он к ней, считающей копейки, за деньгами на новые кроссовки, например, сам покупал, являясь довольно ловким щипачом. И вот записки не стало. Валерке даже на пиво приличное не хватало, рискуя попасться, он стащил бутылку у отца и теперь сидел во дворе, отхлёбывал мерзкое пойло. Чтобы не было так уж противно, тут же затягивался сигаретой.

По дорожке, с опаской поглядывая на Валерку, пробежали две девчонки, свернули за угол дома, ветер донёс до парня приглушённый расстоянием смех. Он скрипнул зубами. Вот ведь, весело им, а у кого-то жизнь под откос огненным колесом... Валерка знал обеих. Одна из девочек – дочка единственного, равнодушно к Валеркиной жизни человека – школьного физика из семнадцатой гимназии. Живут они по соседству, девчонка учится в четырнадцатой школе, как, впрочем, и он, Валерка. В параллельном классе. Как её отец возился с трудным пацаном в своё время: в походы за собой таскал, в лагерь, в секцию определил...

Да только не нужна Валерке чужая забота, он одиночка – ни родителей, ни друзей, жизнь не жизнь. Вот и отвечал он на дружеское участие злобой лютотой, всё казалось, жалеют его. А не потерпит Валерка жалости, не нужна она ему, ибо унижает только, заставляет становиться слабым и чувствовать себя незащищённым. Он не такой. Он зверь лесной, неприрученный, ему никто не поможет, только на себя надеяться нужно, а для этого зубы и когти нужны. А жалость... Она лишь в благополучии хороша, в беде же – бомба с часовым механизмом.

Взять, к примеру, бездомного щенка... ну жалеют его люди, останавливаются, заговаривают ласково, кто-то, преодолев брезгливость, даже за ушами чешет, все кичатся и раздуваются от собственного благородства, а хоть кто-нибудь подумал, каково от него щенку? Погладили, поманили, надежду дали, он всем своим собачьим сердчишком навстречу потянулся, а человек поднялся, вытер ладонь о платок или одежду и пошёл по своим важным делам. В лучшем случае обернулся. И думать забыл о несчастном пёсьем детёныше, чьи надежды так коварно обманул.

А Валерка не такой. Он зверь лесной, ему чужая жалость до лампочки, вот только отчего же так тоскливо на душе?

Он поднял с земли бутылку, сделал глоток и откинул её, опустевшую, в сторону. Угодил в песочницу. Да ну и что? Всё равно двор пустой, никто не заметит даже. Все мамышки чад своих на другую площадку увели, стоило Валерке из подъезда выйти.

По бортику песочницы царственной походкой продефилировал огромный чёрный котяра с рассечённым надвое ухом, сел на углу, уставился на Валерку немигающим жёлтым взглядом.

– Брысь! – рыкнул на него Валерка. Кот лениво потянулся, дёрнул хвостом, высказывая хамоватому подростку своё «фи», и мягко прыгнул куда-то в кусты. Задрав голову, Валерка посмотрел на собственные окна. Как они с отцом жить станут? Не ужиться им на одной территории, недели не пройдёт, трагедия случится – оба взрывные и нетерпимые. Кто побе-

дит в семейном противостоянии? Ясное дело, не Валерка. А идти ему больше некуда. Был дом, была своя комната, теперь ничего не осталось, даже мелочи в карманах.

Сменился день мягкими сумерками, двор совсем опустел, а мальчишка всё сидел и сидел на детских качелях. Они тихонько поскрипывали, но не раздражали, убаюкивали скорее, нащёптывали колыбельную. Вот вплёлся в монотонный звук чужой посторонний голос, и Валерка, с трудом разлепив глаза, медленно поднял голову.

– Здравствуй, Валера... – слова лились свечным воском, медленно плавилась, растворяясь в весенних сумерках. – Хочешь? – в руки мальчишке легла баночка алкогольного коктейля.

– Я тебя знаю, – вяло пробормотал он, но от предложенного напитка не отказался, подцепил колечко, потянул, с жадностью припал к банке.

– Идём, – мягко предложил собеседник, с сочувствующей улыбкой заглянул в глаза. – Я могу предложить тебе приют.

Валера и хотел бы противиться, закричать, что не нуждается ни в жалости, ни в помощи, послать собеседника в грубой форме куда подальше, да не смог, поднялся с качелей, переступил с ноги на ногу, будто сомневаясь, а ноги сами понесли его вслед за спутником. Он шёл по двору и отчётливо осознавал, что никогда больше сюда не вернётся.

9

Лиза нервничала. Кирилл заметил её состояние ещё вечером, но сначала значения не придавал, ну в самом деле, мало ли из-за чего человеку беспокойно бывает, только наблюдал настороженно, ни на миг из виду старался не упускать. И всё-таки не углядел. Отвлёкся на Марка. Тот готовился к поступлению в российскую школу и попросил помочь с алгеброй, а когда Кир вышел из комнаты брата через сорок минут, обнаружил, что входная дверь открыта нараспашку, в маленькой прихожей мечется серым колобком пушистый щенок, а в гостиной на детском коврикe Макс сам себя развлекает, наблюдая за Дюком. Сердце зашло в дурном предчувствии, как-то сразу Кирилл понял, что Лизы дома нет. Ведь знал же, чувствовал, нельзя её сегодня без присмотра оставлять, так нет, отвлёкся. А она будто того и ждала. Нет, конечно нет, не ждала, она и сама не рада тому, что происходит с ней. Был бы способ отказаться от дара, отказалась бы, не задумываясь. Ни к чему он, одни проблемы от него.

Вот где теперь искать Лизку?

Кирилл взял на руки сынишку. Тот обрадовался, заулыбался искренней беззубой улыбкой, ухватился ручонкой за ворот отцовской футболки.

– Ну нет, Макс, не могу я с тобой остаться, – с сожалением улыбнулся Кирилл. – Пойду мамку твою искать, а ты с сестрой побудешь, договорились?

В этот раз по улицам Кирилл ходить не стал, сразу направился к выходу из посёлка, и снова вышел навстречу охранник Олег.

– Что у вас происходит? – нахмурился он, обменявшись с Кириллом рукопожатием. – Куда Лиза уходит? Почему в таком состоянии? Кирилл, у вас дома всё в порядке?

– В каком состоянии? – вопросом на вопрос ответил Кир. – Куда она пошла? Олег?! Снова в лес? Ну не молчи же!

Олег замаялся. Стоит ли говорить? Может, Лиза просто хочет побыть в одиночестве и рыдает где-нибудь под сосной, спрятавшись от всего мира, а в первую очередь от мужа, ведь недаром бежала как угорелая, даже на окрик не отреагировала, будто не слышала. Выходит, не всё ладно в этой, идеальной на первый взгляд, семье. Так чью сторону принять? Вопрос.

Кирилл схватил его за плечи, встряхнул так, что голова мотнулась, и показался вдруг таким опасным, что по позвоночнику Олега холодок пробежал. Показалось, что мелькнуло в серых глазах что-то звериное.

– Олег! Ей опасность угрожает! Ты же видел, что не в себе она!

– Видел! – разозлился Олег. – А кто довёл её до такого состояния? Не ты ли?!

– Не я! – тоже сорвался на крик Кирилл. – Потом. Потом я всё тебе расскажу, но сейчас скажи мне, куда она пошла.

– Вдоль реки, – сдался Олег. – Не пошла, нет. Она бежала. – Но договаривал он в пустоту, Кирилл, петляя между деревьями, уже мчался к реке.

Искать долго не пришлось, Лиза уже шла навстречу. Медленно шла, ничего не видя перед собой, даром что глаза распахнуты, а в них... В них ужас, боль, что-то такое, от чего спрятаться хотелось, и как разглядел-то всё в темноте... Скорее почувствовал, чем разглядел.

Кирилл не стал тормошить жену, приводить в чувство. Дома, всё дома. Обнял за плечи, повёл по тропинке. Лиза, ссутулившись под его рукой, покорно шла рядом, всё так же, невидящим взглядом глядя куда-то за пределы здешнего мира. Что она видела перед собой? Кирилл попытался настроиться на её волну, понять, где блуждает, да не вышло ничего, его обрётённые способности оказались слишком ничтожными, будто приоткрылось знание, показалось едва-едва и исчезло. Так ничего и не понял Кир.

Помнится, видел он в пещере призрак ведьмы, да и не только в пещере, потом ещё, в доме Глеба. Помнится, даже говорила она что-то о том, что Кир не совсем обычным стал, побывав за гранью, получил некие способности, но вот сам в себе Кирилл никаких изменений не ощущал. Разве что на место преступления вывел девчонок без труда. Будто знал, куда шёл. А нечёткий силуэт на месте преступления наверняка привиделся, с богатым воображением шутки плохи, оно порой странные пассы выдаёт.

Как бы Кириллу хотелось избавить Лизу от этого кошмара, взять его на себя. Оградить, защитить, но от кого защищать в данной ситуации? Вроде как не от кого, но происходит же что-то необъяснимое, происходит же!

С первой Лизиной «прогулки» по ночному лесу ровно неделя прошла. Неделя, как судьба их в новое дело втягивать начала, да только пока ни «тпру», ни «ну», так и не поняли они, что на этот раз делать нужно.

Вот дошли до посёлка. Лиза споткнулась о корень, Кирилл подхватил её на руки, кивнул Олегу, поблагодарив за то, что открыл калитку, будто оправдываясь в чём-то, пожал плечами. Что он может объяснить ему, когда сам ровным счётом ничего не понимает? Он даже о Лизиных способностях знает далеко не всё, а, впрочем, и сама Лиза о них толком не знает. Вот она расплата за их семейное счастье, за их ладный мир и идеальную семью – вот эти истории, одна другой страшнее, а ведь не откреститься от них, хочешь не хочешь, а расхлёбывать приходится. Оказывается, счастье им авансом дано было, а счёт судьба всё выставляет и выставляет. Ох и внушительный накопился счёт!

Или нет, скорее не авансом, в кредит. И если они однажды откажутся вносить платёж, счастье будет изъято? Что ж получается, так и придётся им раз за разом его такой ценой покупать? Страшно. А без счастья никак, оно как наркотик, привыкание вызывает с первой же дозы.

Лиза обняла холодными руками, носом в шею уткнулась, но чувствовал Кирилл, неосознанно она льнёт к нему, механически, просто жмётся к живому теплу, будто защиты ищет.

В этот раз Лиза долго в себя не приходила, смотрела в одну точку потухшим взглядом, и глаза её напоминали чёрное небо осенней ночи. Кирилл чего только не предпринял, чтобы вернуть жену из астрала на землю обетованную: и контрастный душ устроил, и к зеркалу вплотную ставил, и по щекам хлопал. Без толку. Реакция отсутствовала. Он на руках донёс Лизу из душевой в комнату, посадил на кровать, она так и осталась сидеть, глядя в стену. Ни одного лишнего движения не сделала, сидела, смиренно сложив на коленях руки, с напряжённой прямой спиной.

Как же испугался Кирилл! Когда по лесу ночному бродил, искал её, так напуган не был, а тут... вроде дома Лиза, в безопасности, а будто далеко где-то, и как вытащить её оттуда, Кирилл не знал.

Решение пришло неожиданно. И не решение даже, так, мысль шальная проскочила, но тут уж все средства хороши, попробовать стоит. Оставив Лизу в комнате, Кир заглянул к Полине.

– Поль, как дела у вас? – устало спросил он.

– Всё нормально, пап. Маму нашёл? – Спрашивала требовательно. Возникло подозрение, что на отрицательный ответ дочь просто пошлёт его обратно, и домой не пустит, пока не найдёт.

– Да... – Кирилл поморщился, властный тон дочери показался слегка неуместным. – Но она... с ней не всё хорошо... – и тут его взгляд упал на сынишку, мирно спящего в кровати сестры. Кирилл подошёл, откинул одеяло, намереваясь забрать сына.

– Пап, ну зачем? – воспротивилась Полина. – Он так спит хорошо.

– Вижу, Поль, но с маминым состоянием сейчас разве что тяжёлой артиллерии справиться по силам. Придётся будить.

– Па... можно я с тобой? – Полина доверчиво прильнула к нему, подхватила на лету упавшую пустышку Максимки, хотела вернуть, да передумала, положила на тумбочку. Она как-то без слов поняла, что сейчас только мешаться будет. Нельзя ей в родительскую комнату, нельзя видеть маму такой... В прошлый раз подглядела, так до утра заснуть от ужаса не могла, мысль, что однажды может потерять её, буравчиком засела в мозгу и сверлила, не давая покоя. От детского рёва удерживал её только братишка, посапывающий рядом.

Сейчас, судя по растерянному виду отца, ситуация куда как хуже. Не стал бы он прибегать к помощи материнского инстинкта, если бы сам управиться мог.

Следом за отцом Полина выскользнула из комнаты, спустилась со своей мансарды на второй этаж, села на пол возле двери родительской спальни и, подтянув колени к груди, прислушалась.

Дверь была закрыта неплотно, до слуха девочки доносился каждый шорох.

– Лиз... Лизонька, – тихонько позвал Кирилл. – Ну что с тобой, родная?

Ни звука не донеслось в ответ. Скрипнула детская кроватка, когда Кирилл положил в неё сынишку. Малыш не проснулся, закричал во сне, улыбнулся открытой улыбкой. Может, и не придётся будить? Может, сами справятся?

Кирилл подсел к Лизе обнял её, крепко прижал к себе, коснулся губами губ. Не дрогнули её губы в ответ, остались холодными как лёд и безжизненными. Вроде и отогревал Кир жену в ванной, да и на улице не зима всё-таки, пусть и не жаркий, но всё же май, так почему же губы холодные? И руки... Он растирал её ладони, согревал дыханием, но понимал – этого мало, очень мало, видимо придётся будить Макса.

И тут раздался визг. Да такой отчаянный, что Кирилл едва на помощь не кинулся, лишь в последний момент догадался, что происходит. Поинка! Его сообразительная маленькая дочка помочь решила, да так рьяно за дело взялась, что наверняка всю улицу на ноги подняла! А Лиза вздрогнула, заморгала растерянно и, будто спросонья, принялась озираться.

– Кир, Поинка! – и сорвалась с места, намереваясь спасти. Он поймал её, стиснул в объятиях, пресекая сопротивление и, удерживая, закричал:

– Поля, всё! Хватит!

Визг прекратился, в комнату осторожно заглянула бледная и несчастная Поинка.

– Мам! – она всхлинула и, упав в Лизины объятия, разразилась слезами.

– Девочка моя! – Лиза покрывала поцелуями мокрое от слёз детское личико, перебирала пальцами светлые пряди волос. – Что случилось? Ты так кричала... Тебе кошмар приснился?

Насупившись, Полина подняла мокрые глаза. Неужели не помнит ничего? Удивлённый взгляд с матери скользнул на отца, Кирилл подмигнул дочери и улыбнулся. У них получилось! Сработал материнский инстинкт, и Макса будить не пришлось. К слову сказать, он так и не проснулся. Вот уж воистину богатырский сон у пацана!

Когда успокоились обе, Кирилл подхватил Полину на руки, и она, странное дело, даже не подумала ворчать, предъявляя требования на свободное перемещение, доказывая, что уже большая. Она обвила шею отца руками, положила голову ему на плечо.

– Па... – шепнула девочка, опалив его щеку горячим дыханием, – С мамой теперь всё хорошо будет?

– Хотел бы я соврать тебе, дочь, но не стану этого делать. Не знаю я, что будет дальше, никто не знает... А ты скажи-ка мне, пигалица, как тебе в голову пришло визг поднять?

– Ты хотел Макса будить, а я... Он же такой тихий у нас, спокойный, так что же надо сделать с ним, чтобы плакать заставить? Жалко его стало, – сокрушенно вздохнула Поля. – Я подумала, что у меня тоже может получиться ничуть не хуже... хоть я и не родная маме.

– Это какая ты неродная? – нахмурился Кирилл. Они уже добрались до комнаты, Кир уложил дочь в кровать, накрыл одеялом. – Знаешь, Полинка, кровное родство... оно и не родство вовсе. Родство где-то на другом уровне формируется, и никак не зависит оно от схожести генов. Ты, дочь, как никто должна это понимать.

– Знаю, – довольно мурлыкнула Полинка. – Теперь наверняка знаю, ведь у меня получилось...

– Будто бы раньше не знала! Ладно, герой, отбой ещё никто не отменял, так что давай, на боковую.

10

В эту ночь Кирилл даже не пытался поспать. Почти до рассвета просидел возле Лизы, держал её за руку, перебирал шелковистые пряди волос. Лиза спала беспокойно, металась, вздрагивала во сне, всхлипывала горестно, и лишь под утро отпустили её кошмары, даже улыбка пару раз скользнула по губам. Кирилл осторожно высвободил затёкшую руку из-под Лизиной головы, тихонько поднялся с кровати, понаблюдал за женой, заглянул в кроватку к сынишке и, подхватив из шкафа футболку и спортивный костюм, покинул комнату.

В доме царил сонная тишина. Умиротворённая, вальяжная – она тихо ступала по дубовому полу, заглядывала в каждый уголок, легко касалась предметов. Вот дотянулась до кресла, тонким солнечным лучиком, пробившимся сквозь неплотно закрытые шторы, потрепала по голове спящего на кресле щенка, тот лениво приоткрыл один глаз, повозился и снова заснул, свесив с кресла заднюю лапу. Так не хотелось нарушать утреннюю благодать своими человеческими делами, но Кирилл, стараясь ступать как можно тише, прошёл на кухню, из-под крана налил воды в стакан, выпил, подавив тяжёлый вздох, посмотрел в окно.

Утро. Раннее, свежее весеннее утро, расцветенное яркой ещё не запылённой зеленью и наполненное радостным птичьим многоголосьем.

Не хочется никуда идти, но надо. Нужно максимально оградить Лизу от кошмара, взять на себя часть того, чего Лизке не нужно знать вовсе. Кирилл решительно застегнул куртку спортивного костюма, обул кроссовки, подозвал Дюка. Тому совсем не хотелось на утреннюю прогулку, он бы повалялся ещё пару часиков, но раз хозяин зовёт, что ж, придётся составить ему компанию. Кир проверил уровень зарядки на сотовом и, пропустив вперёд щенка, вышел на улицу.

Из посёлка они вышли незамеченными.

– Что, ездовая собака, – обратился Кирилл к Дюку, – Говорят тебе бегать полезно? Ну давай, погнались...

Он бежал уверенно, будто по следу шёл, не задумываясь, не пытаясь искать следы. Какие следы? Их здесь в принципе быть не может, посёлок стоит за чертой города, окружённый с трёх сторон сосновым бором, перед посёлком – широкая река, ну а за рекой цивилизация – отличное место для жилья, всё рядом. И город, и природа. Школа рядом, ну как рядом, относительно, в

двадцати минутах ходьбы. Но что такое двадцать минут? Ерунда! Лизка сколько лет в школу бегала и ничего. Хорошо здесь. Лучшего места для семейной жизни и не придумать.

Кирилл понял, что цель близка в тот момент, когда занервничал Дюк. Щенок остановился, завертелся на месте волчком, суетливо перебирая лапами, заскулил, заплакал тихонечко. Но хозяин не остановился, пришлось и ему плестись следом, подвизгивая, то и дело припадая на задние лапы. Вот мелькнула среди деревьев река, показалась узкая полоска пляжа. Им никто никогда не пользовался, купальщиков здесь не сыскать даже в невыносимую жару, почему так, Кириллу известно не было. Может, от города далеко, может ещё из каких соображений, но купаться горожане предпочитали в других местах.

Кир догадывался, что ему предстоит увидеть здесь, но на деле всё оказалось куда страшнее.

Дюк увидел первым. Сел на хвост, завыл, заголосил скорбным голосом, даже, кажется, зажмурился от страха, подоспевший Кирилл наклонился, потрепал его по голове, и сел рядом прямо на песок. Впору было присоединиться к Дюку, тоже завывать от безысходности. Как же полицейские работают? Какие нервы надо иметь, чтобы изо дня в день сталкиваться с подобным?!

Мальчик лежал, раскинув руки и ноги, и улыбался. На мёртвом лице с устремлёнными в небо застывшими глазами, улыбка смотрелась жутко и больше напоминала звериный оскал, а в целом... Казалось, что подросток просто заснул, настолько естественной и непринуждённой казалась его поза.

Кирилл долго не мог отвести взгляд от мёртвого лица мальчишки, до тех пор, пока к горлу не подступила тошнота, потом опомнился, достал телефон из кармана, нашёл в списке номер.

– Дмитрий Ильич? Извините, что разбудил вас ранним звонком, это Кирилл Вьюжин.

– Узнал я, – буркнул в трубку заспанный Михальчук. – Ну что там у тебя опять стряслось? – Зевая, спросил он. – Вот умеешь ты на свою задницу приключения находить!

– Скорее на вашу, Дмитрий Ильич. Скажите, кто занимается делом убитой девочки?

– Тебе зачем? – Михальчук насторожился. Впрочем, насторожился он ещё раньше, в тот самый момент, когда номер Кирилла на дисплее телефона проявился.

– Затем, что серия это. Есть ещё один труп. Мальчишка на сей раз...

– Бляха-муха! Началось... Рассказывай, Кирилл.

– Да собственно... – Кирилл покосился на мальчишку, с трудом сдержал тошноту и, выдержав паузу, договорил, – Я собаку выгуливал, и вот... наткнулся.

– Ты?! Хотя да, кто же ещё... Трогал что-нибудь?

– Даже не подходил близко.

– Это правильно. Что видишь?

– Ну как... сказал же! Труп. Мальчишка лет двенадцати на вид. Свечи вокруг, в песок воткнуты. Много свечей, очень много, – он чуть не добавил, что примерно столько же было и в первом случае. – Ну и на первый взгляд никаких признаков насильственной смерти.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Михальчук.

– Крови под ним нет, вот что! – потеряв самообладание, с раздражением рывкнул Кирилл.

– Так... Вьюжин, ты как там, держишься?

– Да вроде.

– Оставайся на месте и диктуй ориентиры. Приеду лично. С группой. Минут через тридцать.

Кирилл прислонился к дереву, обнял Дюка.

– Может, мы зря это, пёс? – засомневался он. – Может, нашли бы мальчишку и без нас?

Щенок твякнул, заглянул доверчиво в глаза хозяину, мол, скоро уже мы домой пойдём, и отвернулся, видно сообразив своим собачьим умиком, что придётся здесь задержаться.

– Вот и я думаю, что не зря... – сам с собой рассуждал Кирилл.

По щеке мёртвого мальчишки медленно ползла божья коровка. Кирилл наблюдал, еле сдерживая желание, снять насекомое с его лица. Подойти, закрыть невыносимо пронзительные глаза... но нельзя. Никак нельзя, улики может уничтожить. Это дело полиции, искать улики, а он может лишь осмотреться.

Пустынный пляж. Примятая трава, песок, что ещё? Да ничего! По песку кто-то волочил ветку, вероятно заматавая следы, да вон и сама ветка – мохнатая сосновая лапа, тут, среди деревьев её бросили за ненадобностью, на пружинящей, усыпанной толстым слоем хвои земле следы не видны. А вот интересно, он заранее готовит место, или на ходу свечи расставляет? И могут ли на свечах отпечатки пальцев оставаться? Если да, то почему группа оставила свечи на месте прошлого преступления?

Да, его пытались списать на суицид, но судмедэксперт упёрся рогом, всё сделал по чести и совести, не дал на погибшую девочку клеймо навесить. А с мальчишкой и без экспертов понятно, что убийство, не прилетел же он на пляж по воздуху, вон кроссовки в песке, а следов-то нет. Заметены следы.

Кирилл заметил на песке какой-то маленький предмет круглой формы. Он был почти наполовину занесён песком и находился у самой границы леса. Кирилл подошёл, пошарил по карманам, отыскал леденец. То, что надо! Он быстро развернул конфету, бросил её Дюку, тот поймал на лету, только челюсти лязгнули, а Кирилл наклонился и при помощи фантика поднял с земли крышку от объектива фото или видеокамеры.

А вот это, стало быть, улика. Если, конечно, не валяется здесь с прошлого года. Да нет, недавно лежит, вода в этом году высоко поднималась, давно унесло бы. Что ж получается, мальчик умирал, а режиссёр этой смертельной драмы снимал всё на камеру?

Как ни отворачивался Кирилл, взгляд невольно возвращался к погибшему мальчику. О чём он думал в свой последний миг? Понимал ли, что умирает? Как же отвратительно и несправедливо устроен этот мир! Дети не должны умирать, страдать, болеть, становиться жертвами фанатичных подонков! Но, тем не менее, умирают... Что за ритуал был приведён в исполнение? Надо будет в интернете посмотреть.

Тело мальчика будто дымкой подёрнулось, раздвоилось, потеряв чёткие очертания. Странное ощущение... Бессонная ночь навеяла, или воздух лесной галлюциногеном является, но видел Кирилл сейчас двоих – тело мальчика никуда не исчезло, но рядом с ним возник нечёткий силуэт с рваными и будто обожженными краями. Кирилл моргнул, потёр глаза, но странное видение не исчезало, он видел его смутно, даже ощущал скорее, как будто воздух в одном месте сгустился и образовал собой человеческий силуэт – тоненькую и угловатую подростковую фигурку.

Ожил телефон.

– Привет, Лизунь, – шепнул в трубку Кир. Ему показалось кошунством нарушать здешнюю тишину громким голосом. Это всё равно, что на кладбище оргии устраивать, неуважение к упокоению мёртвые не прощают. – Да не кричи ты, всё со мной хорошо. С Дюком на пробежку выбрался.

– Врёшь! – заявила Лиза. – Ты нашёл его?

– Кого? – не понял Кирилл и снова покосился на мальчишку.

– Мальчика погибшего! И не ври! Я знаю, что нашёл, я твои эмоции чувствую!

– Нашёл. – Кирилл сдался. Врать Лизе действительно бесполезно. Да и незачем. – Так ты помнишь, что видела ночью?

– Ничего я не помню. А видела, наверное, то же, что и ты сейчас. Полицию вызвал, да?

– Вызвал, Лиз, а как иначе? Позвонил лично Михальчуку. Обещался быть.

– Да, ты прав. Наверное, ты прав, по совести поступил... – Лиза вроде и поддерживала, но в словах её так и сквозило сомнение. – Но, Кирюш, может быть, всё же стоило остаться в

стороне? Ты не злишь, ладно? Подожди, послушай... – заторопилась она, – Мне кажется, что из-за твоего обострённого чувства справедливости у нас могут возникнуть большие проблемы.

– Лиз... стой! – перебил жену Кирилл. – Я понял твою позицию, но не поддерживаю её. Знаешь... – пауза вышла долгой, он всё никак не мог подобрать нужных слов, отчаявшись, махнул рукой, будто Лиза могла видеть его жест, договорил, как думал, жёстко и сухо, – С собственной трусостью я примириться не смогу, и, если в силах помочь полиции, помогу обязательно.

– Да. Конечно.

Лиза обиделась. Пусть. Она поймёт. Вот походит по дому, подумает и обязательно всё поймёт. Нельзя иначе, просто нельзя! Невозможно будет спокойно жить дальше с осознанием того, что могли помочь, да не стали этого делать – совесть замучает.

Михальчук явился даже раньше обозначенного времени, минут двадцать прошло, не больше, вышел из-за деревьев, заставив вздрогнуть напуганного щенка, подошёл к Кириллу, сел рядом.

– Здравствуй, Кирилл, – растерянно пробормотал он, окидывая цепким взглядом место преступления.

– Да здоровались уже, Дмитрий Ильич... – Кирилл даже головы не поднял, так и сидел, обнимая щенка, смотрел немигающим взглядом на тело мальчика.

– Ты это... давай без отчества, мы же, надо полагать, ровесники. И на «ты». Кирилл, мне тут вообще находиться нельзя, лучше, чтобы никто не узнал, что я был здесь. – Подходить к трупу Михальчук не стал, смотрел издалека.

– Почему?

– Да понимаешь, не я этим делом занимаюсь, я, так сказать, собственный интерес преследую, рою тайком.

– А зачем тогда сам явился?

– Говорю же, мне интересно это дело. Хочу до истины докопаться, найти этого... зверя.

Кирилл протянул ему крышку от объектива.

– Это я здесь нашёл, возьмёшь? Наверняка улика.

– Отдашь группе. Не трогал руками?

– Нет. Так и держу фантиком.

– Хорошо. Я сейчас уйти должен, – заторопился Михальчук, – Группа вот-вот подтянется, но мне с тобой поговорить нужно. Не знаю почему, но сдаётся мне, ты знаешь куда больше, чем хочешь показать.

– Что ты хочешь сказать? – невесело усмехнулся Кирилл. – Я под подозрением?

– Да брось, – Михальчук отмахнулся. – Я бы скорее на себя подумал, чем на тебя.

– А когда-то подозревал...

– Было дело. Так тема другая была, Кирилл, да и несерьёзно подозревал, версии рассматривал скорее. Пора мне... Ты, Кирилл, знаешь что, не говори, что я был здесь, а я подожду тебя возле посёлка. Согласен?

– Да. Думаю, обмен информацией лишним не будет.

Михальчук исчез за деревьями, а минут через десять и группа подоспела. Людно стало на узкой полосе пляжа, суетно.

К Кириллу подсел полицейский в звании старшего лейтенанта, долго и муторно задавал какие-то вопросы под протокол, Кирилл отвечал отстранённо, тот записывал.

– А почему вы, Кирилл Викторович, выгуливали собаку так далеко от дома? – вдруг спросил лейтенант.

Кир продемонстрировал ему щенка.

– Видите? Это не тойтерьер. С маламутом бегать надо, вот мы и бегали.

– И часто вы так бегаєте?

– Когда время есть. Но нет, не так чтобы очень часто.

– Почему именно сегодня?

– Почему... – Кирилл почувствовал, как закипает раздражение внутри. Его до крайности бесил этот наглый парнишка с сытой, лоснящейся физиономией. – Хороший вопрос! Да так совпало, а вы о чём подумали?

– О чём я подумал, вас, Кирилл Викторович, не касается, потрудитесь лучше вспомнить, где вы были вчера вечером и нынешней ночью, соответственно.

– Да легко! Я человек семейный. У меня жена, двое детей, брат-подросток, так что дома я был, алиби не имею, если вы об этом, конечно. – Не выпуская из рук шенка, Кирилл поднялся с земли, сверху посмотрел на полицейского оценивающим взглядом, улыбнулся насмешливо. – У вас закончились вопросы? Я могу быть свободен? – холодно осведомился он, поставив подпись в протоколе.

– Пока да, но у следствия наверняка возникнут вопросы к вам. – Лейтенант подавил зевок, со скучающим видом выбил сигарету из пачки.

– В этом случае вызывайте меня повесткой, – отчеканил Кирилл и, не попрощавшись, зашагал по направлению к дому.

Михальчук, как и обещал, ждал возле посёлка. Кирилл стукнул костяшками пальцев в окно его машины, дождался, пока стекло опустится, бросил хмуро:

– На машине подъедешь или пройдемся?

– Можно и пройтись. – Капитан хлопнул дверцей, нажал кнопку брелока, ставя машину на сигнализацию. – Ну что? – подмигнул он. – Как тебе, Кирилл, опергруппа наша?

– Разогнать всех к чёртовой матери, – сквозь зубы ругнулся Кир. – Эксперт только работает, остальные досыпают на ходу. Никому и дела нет до мальчишки убитого. Подумаешь, одним больше, одним меньше! Фигня! Их раскрываемость заботит, а не истина. Провинция, блин!

– Вот и я так же горячился, – нервно усмехнулся Михальчук. – Не здесь, брат, в Москве. Так же в бой рвался, землю носом рыл, а оказалось, никому не нужным делом занимаюсь. Не оценили. А потом... Да ну, к чему тебе это знать...

– Почему же? Мне интересно.

– А... – Михальчук снова отмахнулся. – Ничего интересного. Парняга один на наркоте попался. С серьёзной дозой, на хранение с распространением тянуло. Да и взяли на сбыте. Приказали отмазать, генеральский внучок, видите ли. А парень наглый, самоуверенный, на допросах меня до трясушки доводил, я после беседы с ним по пачке сигарет выкуривал. Этакий мажор – ни бога, ни чёрта не боится, знает, что в этом мире всё продаётся, только цену достойную дай, а мы – служаки для него, что грязь под ногами. Тоже продаёмся, был бы спрос. Ну упёрся я рогом, не знаю, ему ли или себе что доказать хотел, но дело до суда довёл. Паренька оправдали, несмотря на шикарную доказательную базу, а меня на историческую родину сослали да из майоров в капитаны разжаловали. Вернулся я в город детства, в ваш отдел, стало быть.

– А здесь те же полицейские будни. Так?

– Да. Так. Громкие дела поручают проверенным следователям, гибким да понятливым, а меня и нет будто, всё «глухари» собираю... А тебе Кирилл, – резко сменил тему он, – лучше бы сегодня мимо пробежать, а ты снова вляпался.

– Мимо не получилось бы. Я искал его, – ничуть не смущаясь, заявил Кирилл.

– Как так?! – Михальчук остановился посреди улицы. – Ты знал?! Но откуда?!

– Идём, Дмитрий... Дима, – поправился он. – За завтраком расскажу.

Рассказ получился долгим, поскольку начал Кирилл издали. А как иначе объяснить то, что вокруг их семьи вечно что-то происходит? Михальчук и верил, и не верил одновременно, и его можно было понять, не каждый день сталкиваешься с необъяснимым, а он, человек прак-

тичный, понимал только то, чему объяснение имелось, что отвечало требованиям здравого смысла.

Услышанное Михальчуком сейчас выбивалось из системы. Мистика, призраки – в это поверишь, если столкнуться довелось, не иначе. Но вот сидят же за столом Кирилл и Глеб, забежавший в гости по звонку Кирилла, рассказывают и верят тому, что говорят. Не дурят его, на самом деле искренне верят во всю эту чертовщину.

11

Следователь Тёпленький Сергей Алексеевич сидел в своём кабинете и сквозь плотное облако табачного дыма смотрел в окно. Там за окном весна, май месяц бушует яркой зеленью и цветением, врывается в распахнутое настежь окно россыпью золотистых лучей, и совсем не мешают пронырливым, любопытным лучикам каштаны, выросшие прямо под окнами отделения полиции, они пробиваются сквозь густую листву уверенно, смело, скользят по кабинету, прыгают по стенам, по столу.

Эх, забросить бы это гиблое дело куда подальше, сесть на мотоцикл и наперегонки с ветром помчаться по автостраде навстречу закату, увидеть, как умирает этот день, как закатывается за реку красный солнечный диск... Весна. Кровь бурлит и играет, в голове звенящая пустота, а перед глазами материалы ненавистного дела... Чёрт бы побрал этого маньяка, появившегося так некстати! И к тому же чертяке рогатому начальство, осчастливившее Сергея подобной радостью! А так всё хорошо начиналось, так ладно вписывалась эта девочка в его расклад! Хорошо, однако, что Пахоменко не поддался, наотрез отказался результаты вскрытия подтасовывать, а то, как бы он сейчас выглядел со своей версией? Нет, выкрутился бы, конечно, ему не впервой, на того же Пахоменко ответственность за следственную ошибку переложил, но повозиться бы пришлось однозначно.

Мотоцикл стоял под окнами отдела. Новенький, блестящий и баснословно дорогой. Но оно того стоило. Адская двухколесная машина была его детской мечтой. Сколько раз Сергей представлял себя на хищном чёрном байке! Садился на велосипед, летел с горы, и казалось, что под ним вовсе не тонкая рама, а агрессивный мощный зверь с блестящими полированными боками. С третьего класса мечтал, кажется... Теперь ему двадцать восемь. Он капитан полиции, довольно успешный мужчина и в карьере, и вообще по жизни, а под окнами кабинета ждёт его новенький байк, да такой, о котором даже мечтать не смел.

В который раз он просматривал материалы дела, но понять ровным счётом ничего не мог. Весна манила раскрытым окном и запахом цветения, а под окнами ждали байк и дорога, и алый закат. И манила россыпью мерцающих звёзд бархатная ночь, и звучал в ушах шорох шин по ленте асфальта.

В дверь постучали, просунулась в образовавшуюся щель вихрастая голова мальчишки-сержанта.

– Товарищ капитан, вас там спрашивают.

– Кто? – он страдальчески закатил глаза, всем своим видом показывая, как надоели ему посетители.

– Бабулька какая-то. Говорит, что свидетель она по делу важному. По какому – не говорит. Выставить за дверь пытался – не уходит.

– Именно меня требует, Яковлев?

– Нет. Следователя. Но на месте только вы.

– Хорошо, – сдался Сергей. – Пусть заходит.

Посетительница зашла. Тёпленький даже хрюкнул невежливо, но с трудом сдержавшись от смеха, предложил даме присесть. Выглядела она и впрямь смешно, так выглядела бы деревенская баба, всю жизнь проработавшая в поле да хлеву, если её нарядить в дорогую изыс-

канную одежду от ведущих кутюрье. Ярко, броско и смешно до нелепости. Длинное вечернее платье на бретелях, открывающее мощные плечи и дряблые руки в старческих пигментных пятнах, крупные, яркие бусы на шее, на пальцах множество колец, лаковые туфли на неприлично высоком для её почтенного возраста каблуке, элегантная шляпка – казалось, дама совершила набег на костюмерную театральной студии, выбирала впопыхах, хватая первое, что под руку попадётся, в итоге получилось то, что получилось. А потом, в том же театре, она заскочила в гримёрку, опять же впопыхах намалевала губы алой помадой, нарисовала румянец в полщеки, углём подчеркнула брови. Красотка, ничего не скажешь!

– Проходите, присаживайтесь, – пряча улыбку, предложил следователь. Ради такого колоритного свидетеля поездку можно и отложить.

Она, забыв держать марку, плюхнулась с разгона на стул, раскрыла веер, принялась яростно обмахиваться, изучая следователя внимательными, жадными до сплетен глазами. Она из тех старушек, что в своё время стайками собирались у подъездов многоэтажек и перемывали кости всем проходящим мимо. Многим из них, как свидетелям, цены не было, знали всё и обо всех в мельчайших подробностях. Сергей многозначительно посмотрел на даму, не помолчать же она сюда пришла, и она заговорила.

– Меня зовут Макеева Зоя Михайловна. Я проживаю в деревне Владыкина гора и являюсь соседкой Белова Руслана Ивановича.

– И? – не понял следователь.

– Ну как же... – дама растерялась, веер в её руках запорхал с устрашающей скоростью. – К нам в деревню давеча, аккурат на прошлой неделе следователь приезжал, расспрашивал родню Руслана про его алиби. Правильно я сказала? Алиби?

– Совершенно верно. Будьте любезны, поясните мне, кто такой Белов Руслан Иванович?

– Ну как же... – повторила она. – Наш он, деревенский, то бишь родился в деревне, а как школу-то закончил, так и уехал в город, поступать. Так и не вернулся больше. Приезжает с семьёй на праздники да выходные, в городе живёт...

– Зоя Михайловна, всё это очень интересно, но я никак в толк не возьму, по какому делу вы к нам пожаловали, и что за Руслан такой? – нетерпеливо перебил Тёпленький.

– Так ведь в школе он работает, где девчонка пропала... – выдала, наконец, Зоя Михайловна, кокетливо поправила шляпку. – Его как свидетеля опрашивали, он девчонку-то ту последним видел...

– Так... уже кое-что. Это что же за девчонку-то? Эльвиру? Ту, чью фотографию по телевизору показывали?

– Да. Так что я хочу сказать... Врёт он! И родственники врут! Выгораживают, стало быть! – безапелляционно заявила она. – Шестого он приехал, это да, гульбанили они с братом, песни почитай всю ночь горлопанили, а потом рассорились. Дюже сильно кричали друг на дружку, вся деревня слушала. Так и уехал тогда Руслан-то, как есть уехал, а вернулся за своими только девятого числа днём. Где был – не знаю и знать не хочу, да только следователю про то и словечка не сказали.

– Понял вас. Делом пропавшей девочки не я занимаюсь, но, если под протокол повторите всё, благодарен буду, передам следователю показания ваши, вдруг помогут.

– Повторю, – мелко закивала она. – Коли нужда станет, и на суде показания дам.

Подписав бумаги, Зоя Михайловна ушла, а следователь, забыв о байке, призадумался. Что-то зацепило его в показаниях старухи, что-то важное подсознание уловило, да спрятало до поры до времени, не понять.

Он закрыл глаза, мысленно отмотал время назад, проигрывая в памяти визит старухи от начала и до конца. Руслан. Белов Руслан. Вот оно! Где-то он слышал это имя и совсем недавно, и связано оно... Сергея осенило. Он поднял телефонную трубку местной связи, набрал короткий номер.

– Ковальчук, пробей мне человека. Белов Руслан Иванович. Когда надо? Вчера! Узнай всё, что сможешь и даже больше.

Положив трубку, он раскрыл дело Нади Востриковой, нашёл домашний номер, позвонил.

– Здравствуйте, Анжела Аркадьевна, это вас следователь беспокоит. Вы не подскажете, как зовут тренера спортивной секции, в которой занималась Надя? Точно? Вы ничего не путаете? Белов Руслан Иванович? А секция находится в спортивном зале гимназии номер семнадцать? Спасибо, это очень ценная информация, – он замолчал, но по всему было видно, как не терпится ему закончить разговор. – Нет, пока ничего нового не выяснили. – Он всё-таки перебил женщину, с трудом подавив раздражение. – Работаем. До свидания.

Осталось пробить информацию по новому делу. С опознанием погибшего мальчика проблем не возникло, в кармане ветровки обнаружилась школьная карточка на имя Вихорского Валеры, ну а через школу узнать всё остальное, в том числе и контакты родственников, было не сложно. Даже с учётом выходного дня. Отец мальчика лыка не вязал, до телефона как-то добрался, но ответить ни на один вопрос не смог, да и расслышал ли вопрос – неизвестно, скорее нет, не в той кондиции был, а вот тётя оказалась вполне адекватной, она приезжала на опознание, именно ей и позвонил сейчас следователь.

– Клавдия Ефимовна? Здравствуйте. Это вас следователь беспокоит.

– Слушаю вас! – голос женщины был сухим и ровным, казалось, её свалившееся несчастье не коснулось вовсе, но следователь знал, так бывает. Человеческие реакции бывают настолько непредсказуемы, что порой даже опытные судебные психологи руками разводят, а заторможенность и неприятие случившейся беды из разряда обычных.

– Меня интересует круг общения Валеры. Что можете сказать по данному вопросу? Вы знали его друзей?

– Да бог с вами! Какие друзья? Сроду Валерка не znalся ни с кем. Всю жизнь один.

– Это что касается ровесников, а взрослые? Был ли ему близок кто-то из взрослых? Ну я не знаю... учитель может...

– Есть такой человек. Он Валерку всё из трясины вытянуть пытался, к делу пристроить. Увлечёлся старался то походами, то рыбалкой, то борьбой какой-то.

– Вы знаете его?

– Знаю. В соседнем доме живёт, учителем в семнадцатой школе работает. А зовут... Руслан Иванович, фамилии, к сожалению, не помню...

– Белов, – машинально подсказал Сергей, выстукивая карандашом по крышке стола победный марш.

– Точно! – оживилась женщина. – Я как опекун Валеркин, на него доверенность выписывала, когда они с походом по Крымскому побережью ходили. Ох, и намаялся он с Валеркой! Я-то давно отступилась, пропащий он мальчишка, а Руслан возился до того самого похода как раз.

– Почему до похода? А дальше что? – спросил скорее машинально, особой заинтересованности не проявляя, он уже думал, как Белова к обоим убийствам привязать.

– Так сбежал Валерка! Весь поход сорвал! До дома на перекладных, автостопом добирался, а походники вместе с полицией искали его по всему побережью. Даже водолазов вызывали, думали, в заливе утонул. Потом у Руслана с ним долгий разговор был, но так и не достучался, отступился... Жалеет он их, таких неприкаянных, возится с ними, о собственных детях забывая.

– Я понял. Спасибо за информацию, вы нам очень помогли.

Он положил трубку, снова потянулся к аппарату внутренней связи.

– Ковальчук, узнал что-нибудь? Адреса достаточно. Выежаем на задержание.

На звонок дверь распахнула худющая черноглазая девчонка в бриджах и мужской рубашке.

– Здравствуйте, – растерялась она, увидев на лестничной площадке четырёх мужчин в форме. – А вы к кому?

– Белов Руслан Иванович здесь проживает?

– Да. Это мой папа.

– Он дома?

Шальными глазами обведя непрошенных гостей, девчонка повернулась всем корпусом, закричала срывающимся голосом:

– Пап! К тебе полицейские пришли!

Руслан вышел из кухни в коридор, даже не сняв передника. Его руки были перепачканы мукой, вот ещё минуту назад они всей семьёй лепили пельмени, смеялись, подтрунивая друг над другом, и всё тогда было хорошо.

– Здравствуйте... – он остановился, машинально задвинул дочь за спину, нахмурился, не понимая, как оценивать ситуацию.

– Белов Руслан Иванович? – вежливо поинтересовался Сергей.

– Он самый, – кивнул мужчина, вытирая о передник крупные ладони. – Чем могу быть полезен?

– Вы задержаны по подозрению в убийстве Эльвиры Сошниковой, Надежды Востриковой и Вихорского Валерия.

Ахнула за спиной дочь, Руслан развернулся, подтолкнул её к кухне, иди, мол, не подслушивай.

– Валерка... – прошептал он, разом побледнев. – Как же так?!

– Вы готовы следовать с нами? – достал наручники Сергей.

– Да. – Руслан скинул передник, бросил его тут же, в коридоре, захлопнул ногой кухонную дверь, отрезая себя от привычного семейного счастья и от истеричных воплей дочери, пытающейся что-то объяснить матери. И только тогда, глянув тяжёлым взглядом в глаза следователя, протянул вперёд руки. Сомкнулись на запястьях браслеты, выскочила из кухни беременная жена, охнула, качнулась к стене, кто-то дёрнул Руслана в сторону выхода из квартиры, заголосоли вслед сыновья, закричала дочка: «Папа!», «Мама!», хлопнула тяжёлая дверь, и тишина навалилась. Он будто ослеп и оглох в одночасье. Путь от дома до отдела начисто стёрся из памяти, будто Руслан по шелчку переместился от квартиры в одиночную камеру с унылыми серыми стенами и деревянной лежанкой.

Потом был допрос. Глухая комната без окон, стол, два стула с обеих сторон от стола, он и следователь. Три фотографии легли на стол.

– Вы знаете этих детей?

– Да. Знаю. Эльвира Сошникова, Надя Вострикова и Валера Вихорский.

– Двоих нет в живых, третья девочка пропала и до сих пор о ней ничего не известно. Что вы можете сказать по этому поводу?

Руслан повёл широкими плечами, глянул на следователя исподлобья.

– Ничего. Вернее... Мне очень жаль. Надя и Валера не являлись благополучными детьми, в семьях всё неоднозначно было, я пытался им помочь, но не удалось.

– И тогда? – следователь смотрел выжидающе, будто что-то определённое и очевидное услышать хотел. Ясно что, чистосердечное. Скинуть вину на первого попавшегося, и дело с концом, а тут такой вариант шикарный образовался! Школьный учитель, тренер, добрый сосед – чем не кандидат на роль маньяка?! Тем более, что всех троих детей знал.

– Что тогда? – изобразил непонимание Руслан.

– Ну как... Исправляться дети не хотели, ваши труды пропали все, и тогда вы решили избавиться от несговорчивых подростков, так? – говорил следователь вкрадчиво, ласково даже, но глаза оставались холодными и равнодушными.

– Не так. – Руслан до христа сжал кулаки. – Не так! То, что я был знаком с убитыми детьми, никак не доказывает мою вину!

– У вас есть алиби?

– Да! Есть! Шестого мая сего года я уехал в деревню и пробыл там до девятого.

– А вот ваша соседка – Макеева Зоя Михайловна свидетельствует об обратном. Шестого вы были там, но потом уехали. Надежда Вострикова была убита седьмого вечером. Так кто может подтвердить ваше алиби?

– Но шестого... Шестого числа пропала Эля, и тут у меня точно алиби имеется.

– Где же? Эльвиру Сошникову до сих пор не нашли. Ни живой, ни мёртвой, а это значит, что вы вполне могли похитить её, спрятать где-нибудь и спокойно укатить в свою деревню.

– Бред!

– Отнюдь. Сразу вопрос. А вчера где вы были?

– На рыбалке. В пятницу с вечера уехал, в субботу днём вернулся.

– То днём, а вечером? Ночью?

– С семьёй я был! Дома! Вечером все вместе в парк ходили, на аттракционах катались, потом в пиццерии сидели, потом домой пошли.

– Складно как получается. А кроме семьи кто-нибудь может подтвердить ваше алиби?

– Может, наверное. В пиццерии нас, скорее всего, запомнили, семья-то большая, шумная...

– Во сколько вы вернулись домой?

– Часов в восемь вечера, может чуть позже, я не смотрел на часы.

– А смерть Валеры наступила где-то в районе одиннадцати. Что ж... рассказать, как всё было?

– Попробуйте. – Руслан мрачно смотрел на стиснутые кулаки и не мог поверить, что всё это происходит на самом деле. Его топят. Очевидно, как божий день, его попросту подводят под статью. Да под какую! Серийные убийства – это не кража леденцов в супермаркете, тут такой срок на горизонте маячит, что даже представить страшно. И адвокаты не помогут, бесплатные, как водится, на стороне следствия, а на хорошего адвоката денег нет.

– Всё просто! – облокотившись на спинку стула и скрестив руки на груди, широко улыбнулся следователь. – Прикрываясь рыбалкой, вы заранее выбрали место и подготовили его, в субботу, выгуляв семью и отправив её домой, вы вышли во двор, заметили Валеру, он, поскольку доверял вам, не сомневаясь, отправился следом. У вас есть автомобиль, Руслан Иванович? Хотя, что это я, знаю, что есть. Так вот, Валера пошёл за вами, а долго ли ехать до реки на машине? Десять минут от дома, не больше, ну и ещё минут пятнадцать пешего хода до места. Полчаса туда, полчаса обратно, час там... Двух часов тебе, падла, на убийство хватило?!

Руслан и не понял, как в руках следователя оказалась полуторалитровая бутылка с водой, заметил лишь, как метнулся тот из-за стола, замахнулся... Боль обожгла рёбра, неустойчивый стул, увлекаемый инерцией тела, перевернулся, всем своим немалым весом Руслан рухнул на пол. Упал неудачно, выбил плечо, но виду не подал, тяжело поднялся, придерживая повреждённую руку, поднял с пола стул, снова сел.

– Я никого не убивал! – делая между словами большие паузы, проговорил он.

Получилось! Она уже и не верила, а у неё получилось! Вышел штырь из пола, поддался её жалким усилиям, и теперь она свободна в передвижении. Осталось выход из подвала найти.

Но как же тяжело Эльке далась свобода, какие невероятные усилия были положены! Сутки уже не появлялся её мучитель, сутки как закончилась еда. Воды в бутылке осталось на доньшике, тратить её нельзя и, повалившись на пол, Эля открутила пробку, сделала крошечный глоток и ещё чуть-чуть плеснула в ладошку, пусть и киса попьёт, ей не жалко. За эту неделю бродячая кошка Эльке лучшей подругой стала.

Девочка хотела сразу помчаться выход искать, но сил не было, измученному голодом, холодом и тяжёлой упорной работой телу отдых требовался. И ещё одно обстоятельство заставило Элю оставаться на месте: в любое время мог появиться он. Хоть и пунктуален, постоянно в одно и то же время приходил, но сутки его не было, значит, либо случилось что, либо обстоятельства вынудили изменить время посещения.

Вот ночью точно не придёт, Элька почему-то даже не сомневалась, и именно ночь определила как время, пригодное для побега. До ночи ещё три часа. Три часа, целых три часа бездействия!

А если он придёт за ней сегодня? Ну а вдруг? С чего она взяла, что в этом подвале находится безопасно? Знает же, что в любой момент он может прийти за ней. Нет, медлить нельзя... Ночь – то самое время, когда выходят на охоту маньяки.

Откинув в сторону старое одеяло, Элька с трудом поднялась, встав сначала на колени, а потом, держась за стену на ноги. Она подтянула к себе цепь, подхватила второй край рукой и медленно побрела куда-то вглубь подвала, держась за шершавую стену.

Подвал тянулся и тянулся, стена казалась бесконечной, девочка то и дело натыкалась на трубы коммуникаций, обходила их на ощупь, снова двигалась вперёд. Рядом невидимой тенью скользила кошка. Вот прыгнула на трубу, обмотанную слоем светлого изоляционного материала, девочка задрала голову и вдруг увидела пробившийся откуда-то солнечный лучик. Сердце бухнуло невпопад, что же там, наверху? Выход или обманка? Может, это что-то вроде вентиляционного окошка? Так оно ей вряд ли поможет...

Элька принялась карабкаться на трубу. Тяжело было, пока влезла, семь потов сошло. Села, отдышаться, снова сделала крошечный глоток из бутылки, а начала завинчивать крышку и не удержала, бутылка выпала из рук, упала на пол. Теперь у Эльки даже воды не осталось. Надо выбираться. Обмотав цепь вокруг пояса и закрепив её за ляжку комбинезона, Эля поднялась на ноги, протянула руку туда, откуда уверенно заглядывал в подвал солнечный луч.

Так и есть. Подвальное оконце, вот только не крошечное, а вполне подходящего размера для того, чтобы выпустить из подвала пленницу, вот ещё бы не было оно решёткой забрано, а к решётке лист железа не приварен... Эх, ну что за невезение...

Эля ощупала решётку на предмет прочности. Ржавая. И старая. Очень старая, вон как разболталась и лист железа отходит, вполне можно его отогнуть. Но для подобной работы инструмент нужен, а в пустом подвале даже ржавого гвоздя не найти, не то что ломика. А лом сейчас бы не помешал...

Девочка задумалась, обкусывая грязные ногти. Лом – это конечно хорошо, но для разболтанной решётки подошло бы и что попроще. Доска, например. Если использовать её как рычаг, то поочередно можно выломать из стены все прутья. Но доски тоже нет.

Потёрлась о ногу кошка, звякнула цепь. Точно! Это мысль! Девочка засмеялась, и как ей раньше не пришла в голову столь потрясающая идея?!

Раскрутив цепь, девочка просунула свободный конец вместе со штырём сквозь решётку, обогнув прут, втянула конец цепи назад. Труба хоть и широкая, но за что-то надо держаться, иначе перспектива повиснуть на одной ноге вниз головой обретаёт очень даже реальные черты. От пола почти до потолка или трубы потоньше, опора не очень надёжная, но рискнуть стоило. Эля обхватила одну трубу свободной ногой и рукой, второй рукой сильно дёрнула за оба конца цепи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.